

Комонс

Автор:

[Борис Батыршин](#)

Комонс

Борис Борисович Батыршин

Комонс #1

К своим шестидесяти годам он проглотил множество книг о самых разнообразных попаданцах. И чего только не выдумывали авторы, старательно засорявшие книжные прилавки и просторы Сети историями о персонажах, очнувшихся в собственном детском теле, и немедленно принявших изменить историю...

Но, когда однажды наш герой с ужасом осознал, что находится в теле себя, 15-летнего, в 1978-м году – выяснилось, что оставшиеся в 21-м веке писатели бессовестно ввали. Для начала, приходится бороться с собой-подростком за главенство. Нет, не бороться – договариваться, учиться уживаться вместе – шаг за шагом, находя в этом процессе массу приятных и не очень моментов. А тут ещё и память подкинула препакостнейший сюрприз: вместо того, чтобы обнаружить в себе невиданные ранее знания и способности, она наиподлейше скрывает он законного владельца последние, самые важные годы, прожитые там, в будущем. А ведь именно в них скрыт ключ к тому, как отвести от страны, от планеты, от своих близких, наконец, такую беду, что всем бедам беда...

К тому же – долгих лет на вживание, выстраивание связей, положения в обществе у попаданца не будет. Его судьба – судьба не марафонца, а спринтера, в лучшем случае, бегуна на средние дистанции. И добраться до тайников собственной памяти можно, только наладив взаимодействие с собой, пятнадцатилетним. Спасибо, хоть, подсказка имеется – в одной любимой с детства книге...

Ничего себе, задачка? А кто, собственно, обещал, что будет легко?

Борис Батыршин

Комонс

Фантастический роман

С грязной ложкою в кармане,

С лысым кактусом в руке,

Я иду пугать бабайку,

Что живет на чердаке.

Автор неизвестен

Пролог

Сентябрь, 202... г.

Где-то в России

Картинка на огромном настенном мониторе больше всего напоминала кадры из старого, девяностых годов, фильма или видеоигры. Синие на траурно-чёрном фоне контуры континентов, развёрнутые в меркаторской проекции, и связывающие их зелёные дугообразные треки, вырастающие из основной плоскости, практически из одной точки. Судя по конфигурации рек и морских побережий, а так же по буквенно-цифровым обозначениям возле пусковых позиций и отметок целей – где-то в районе республики Марий-Эл.

Три линии мигают, постепенно удлиняясь. Ещё три оборвались пульсирующими красными крестиками вблизи высшей точки изгиба. И лишь одна упёрлась в чужой континент и расплзается багровой кляксой.

– Четырнадцатая гвардейская ракетная дивизия отстрелялась. – негромко произнёс стоящий за креслом офицер. – Семь пусков, по запросу американцев: Невада, Западное побережье. И ещё два по Мексике.

Генерал обернулся – полковник, на петлицах перекрещенные меч и стрелы под круглым щитом.

– Йошкарлинцы?

Кивок.

– И как результаты?

Ненужный вопрос: всё было видно и без пояснений. Которые, впрочем, последовали незамедлительно.

– Из семи боеголовок, дошёл единственный планирующий блок. – с готовностью отрапортовал РВСН-щик. Видно было, что он рад возможности делать хоть что-то, пусть даже давать никому, в сущности, не нужные пояснения. Что угодно – лишь бы не стоять и не смотреть молча в монитор, бесстрастно транслирующий конец света.

– Цель – Вегас. Ещё три перехвачены и сбиты. Два в данный момент снижаются и маневрируют в плотных слоях.

– Куда они идут?

Как будто бледное продолжение ярко-зелёных дуг не указывает на это яснее ясного...

– Мексиканский Экатепек-де-Морелос и Лос-Анджелес. Но вероятность успеха крайне мала особо – по ним уже трижды стреляли, и с лодок, и «Буревестниками». Сами американцы тоже пробовали. Те всё перехватывают.

Словно услышав его, два трека замигали и на конце у них вспыхнули красные крестики. Секунду спустя та же участь постигла и последний, седьмой.

– Один к шести – неплохой результат. – помолчав, оценил генерал. Следовало хотя бы попытаться добавить подчинённым оптимизма. Не получилось. Впрочем, он особо и не рассчитывал, и это было заметно по тяжёлым морщинам в уголках глаз, где притаились невероятная усталость и глухая безнадега.

– Больше наши американцам помочь ничем не смогут. – глухо ответил полковник. – Ни им, ни китайцам, никому. И так уже доскребли по сусекам последние «Ярсы» с «Тополями», остались только старые, шахтные...

Генерал согласно опустил подбородок.

– Да. ПЛАРБы уже отстрелялись и вернулись в базы, а новых «пасхальных яичек» для них нет. «Посейдоны» тоже всё, как и «Буревестники». Стратеги из Энгельса могут теперь достать разве что, цели в Северном Китае – но сколько их осталось, стратегов-то... Да и проку от этого немного: те уже прорвались в Бессарабии, да и в Забайкалье их сдерживают только огромные расстояния да крайне низкая плотность населения. Есть, правда, ещё тактические ядерные заряды, но надолго ли их хватит? Ещё месяц, максимум два – и всё, конец. Аллес.

И снова никто из присутствующих спросил кто это – те. За прошедший год у всех жителей планеты это местоимение – с учётом местной лингвистики, разумеется – приобрело вполне отчётливый, пугающий смысл.

Подумать только, а ведь совсем недавно люди были уверены, что 2020-й – худший год в истории...

Те. Именно так – «те». Которые нас сейчас... нет, не убивают – с этим мы и сами неплохо справляемся. Надевают. Как надевает человек новый костюм взамен истрёпанной одежды. Но чем, скажите на милость, это отличается от убийства – для самих людей?

– Ещё два месяца – и всё. – медленно повторил генерал, и стоящие рядом увидели, как с виска ползёт крупная капля пота. Порученец, высокий,

щеголеватый (даже сейчас щеголеватый!) лейтенант, дёрнулся было, к карману, за носовым платком, но рука замерла на полпути.

– Два месяца – но это только в том случае, товарищи, если мы с вами сегодня не сработаем, как надо. – произнёс генерал и смахнул капельку большим пальцем. – Серёжа, где он там? Ждёт?

Лейтенант заметил, как скривился РВСНщик, услышав ещё одно многозначительное местоимение.

– Разумеется, товарищ генерал. – бодро отозвался он. – Прикажете пригласить?

– Зови. Время вышло.

Часть первая

Игра в четыре руки

Понедельник

4 сентября, 1978 г.

Дворец спорта «Динамо»

Вторая половина дня

Тренера звали Василий Петрович – между собой ребята именовали его «Васич». Долговязый, поджарый, как большинство спортсменов-фехтовальщиков. Ближе к концу занятий, когда подходило время учебных боёв (ребята ждали этого с первых минут тренировки и гадали, кому из них выпадет удача) – Васич сначала наблюдал за схватками, а потом в какой-то момент отодвигал одного из участников в сторону, брал эспадрон, надевал маску и... начиналось.

Он был практически неуязвим, и лишь изредка нарочно придерживал клинок на отбое, чтобы правильный удар оппонента мог достичь цели. А уж если кому-то удавалось его зацепить – это было событие, которое долго потом обсуждали и в раздевалке, и в вестибюле, возле автоматов с газировкой, и по дороге к метро. Но случалось это нечасто и, как правило, с одними и теми же – ну понятно, Васич встаёт на дорожку только с самыми перспективными учениками... С остальными же ограничивается советами и комментариями, порой – весьма язвительными. Как, например, с Женькой Абашиним, не входившим не то что в пятёрку лучших в группе, а наоборот, уверенно прописавшимся ближе к концу списка.

Ну не его это, не его... как выяснилось. А ведь так хотелось! Женька даже уговорил записаться в секцию своего одноклассника, длинного, нескладного Серёжку Астахова, Аста. Было это в самом начале прошлого учебного года, и с тех пор друзья два раза в неделю посещали занятия в спортивном комплексе на метро «Динамо», куда от их родного Речного Вокзала каких-то пять остановок.

Как раз сейчас Аст на дорожке с худым, длинноногим и длинноруким (настоящий фехтовальщик!) Гариком. Оба, будто связанные верёвочками, перемещаются туда-сюда по нарисованной на полу зала дорожке и обмениваются заученными ударами: батман из третьей позиции, удар в маску, отбой маску, отбой в «пятёрку», ответ в открывшийся бок. Аст только этого и ждал (а кто бы на его месте не ждал?) – поспешно пятится, и кончик клинка едва не задевает край свисающей до колен защитной куртки, старой и замызганной. Повеселевший Гарик делает шаг вперёд и снова старательно выполняет батман, готовя новую атаку, точную копию предыдущей.

Что ж, всё правильно. Так их учили.

...но как же хочется выйти самому на «дорожку», позвенеть весёлыми, пружинно-гибкими клинками! И путь заранее ясен исход, пусть он заведомо не удостоится ничего, кроме скептической усмешки Васича – зато в руках будет рукоять сабли, а впереди, в мелкой сетке маски – не опостылевший манекен, а реальный, живой противник.

Свисток, бойцы замерли, вскинув оружие в финальном салюте. Так тоже учили.

– Недурно, Астахов, Голиков. Серёжа, быстрее наноси удар после батмана – противник успевает среагировать, отработывай. Садитесь пока...

Васич Задумчиво оглядел скамейку, на которой дожидались своей очереди остальные.

- Теперь Дашьян и... пожалуй, Абашин.

Женька в первый момент не поверил своему счастью. А поверив – вскочил, зацепив ступнёй за ножку длинной гимнастической скамьи.

- Ну-ну, полегче, а то ноги тут переломашь. – пробурчал Васич. – На дорожку, приветствие... к бою! Абашин, тебя это что, не касается?

Женька поспешно опустил маску, и Васич не успел разглядеть, как счастливая улыбка вдруг, в самый последний момент, когда лицо мальчика уже скрывалось за мятой проволочной сеткой, вдруг сменилась гримасой недоумения.

Бамм!

Хлёткий удар сверху по голове – звонко, обидно, но совершенно нечувствительно. Свисток за спиной и недовольный молодой голос.

- Стоп! Абашин, не спи, замёрзнешь!

Абашин – это я. Абашин, Евгений Борисович, 1963-го года рождения, образование высшее, москвич, самозанятый... а что это за проволочная хрень у меня перед носом?

- Разошлись, в позицию... начали!

Опять свисток. Короткий, требовательный. Ноги мои сами собой, без малейшего моего участия делают несколько шагов назад, задняя, левая, цепляет за что-то и я с грохотом лечу на пол. Коричневый, покрытый масляной краской пол, на котором проведены две широкие белые линии, ограничивающие длинную, шага три в ширину, полосу.

Снова свисток, невнятное ругательство – никаких матов, что характерно...

– Да чтоб тебя... Абашин! Что ты тут растопырился по-крабьи? А ну вставай, и маску надень. Ещё одна такая выходка – отправишься на скамейку!

Маска? Точно, фехтовальная маска... облезлая, мятая, со стёганным горжетом из грубого светло-бурого брезента. И мои руки, подхватившие с пола этот аксессуар – подростковые, почти без волос и привычных шрамов.

...я что, сплю?..

– В позицию! Ан гард!

Противник – пацан лет пятнадцати. Точнее не определить – его лицо, как и моё, скрыто фехтовальной маской. Стоит в заученной стойке, сабля в четвёртой позиции. Всё, как в учебнике: рука, согнутая в локте, поднята вперед, кисть на высоте пояса, кончик клинка в линии левого глаза, лезвие направлено влево-вперёд...

Пальцы мои явственно ощущают рукоять сабли сквозь тонкую кожу перчаток, но шевельнуть ими я не могу. Не могу – и всё! Могу только бессильно наблюдать, как парнишка напротив делает шаг вперед, кистевым батманом отбрасывает в сторону мой клинок, и...

...вот уж хрен тебе!..

Клинок послушно отлетает – но не вбок, как рассчитывал противник, готовя академически правильный удар сверху по маске, а по дуге, вниз. Поворот на левом, отставленном назад, носке, передняя, правая нога уходит в выпад влево-вперёд, далеко за белую ограничительную черту. Кисть переворачивается, взлетает вверх на прямом локте и – вжжжик! – клинок прочерчивает победную линию от колена визави, по криво свисающей стёганке, через грудь, звякает по подбородку маски и улетает вверх.

Туше!

Ноги тем временем сами выполняют следующее па: левая выполняет короткий шаг назад с поворотом, окончательно вынося меня за пределы дорожки, и сгибается в полу-приседе. Корпус пижонски отклонён назад, правая нога

выставлена вперёд в почти танцевальной позиции – выпрямлена в колене, носок едва касается пола. Сабля – в вытянутой в струнку на уровне лица руке, клинок повёрнут плашмя и смотрит в спрятанные за сеткой глаза противника. Левая рука покинула положенное ей место на поясе и прикрывает грудь – согнута в локте, словно не чёрная мотоциклетная крага на ней, а толстенная дуэльная перчатка, которую и кирасирским палашом не прорубишь, не то, что тростинкой-эспадрон. Привет вам, маэстро Л'Абба, последний в знаменитой династии тулузских фехтмейстеров. Знаем ваш трактат, читали, ценим, пользуемся...

Свисток – длинный, вкручивающийся саморезом в барабанные перепонки.

– Стоп! Разошлись! Абашин, немедленно вернись на дорожку!

И, гораздо тише:

– Это что сейчас было, а?

...какая ещё АББА? Шведский ансамбль, который «Мани-мани-мани» и «Мамма-мия»? Но тогда – при чём тут тулузский фехтмейстер? Что, вообще, за бред?..

Ноги внезапно сделались ватными, и Женька опустился на пол – не хватало ещё свалиться самым глупейшим образом! Маску он стянул и проложил рядом. Лоб весь в капельках пота, руки трясутся, голова идёт кругом.

«Сейчас Васич меня убьёт. А потом – выгонит из секции. Но за что? Это не я! Ноги и руки вдруг начали действовать сами по себе, а я даже понять не успел, что они вытворяют...»

– Тебе плохо, парень?

В голосе тренера сквозила самая настоящая тревога.

– Может, к врачу?

Женька встал, пошатнулся, поднял маску. Эспадрон он зажал под мышкой.

– Нет, спасибо, Васи... Василий Петрович. Голова закружилась, душно, наверное. Сейчас пройдёт.

Тренер шумно втянул носом воздух.

– Да, что-то надышали мы тут... Астахов! – скомандовал он. – Ну-ка, живо – открой окно, то, дальше!

Долговязый Аст послушно метнулся в угол зала и заскрипел там оконной рамой.

– А ты, Абашин... – Васич ненадолго задумался. – Ступай-ка ты, пожалуй, домой. Или тебя лучше проводить? Вы с Астаховым, вроде, рядом живёте, верно?

Женька мотнул головой.

– Да, в соседних домах. Ничего, Василь Петрович, я сам. Посижу только немного в раздевалке и пойду.

– Ну, как хочешь... – неуверенно протянул тренер. И добавил, уже с воспитательными нотками в голосе: – А к твоему фокусу мы вернёмся в следующий раз. В кино подсмотрел, что ли?..

Женька ещё раз кивнул, поставил эспадрон в стойку и направился к выходу из зала, на ходу нащупывая за спиной тесёмки.

...а действительно – что это было?..

Сентябрьский денёк чудесен. Женька шагал к метро через жиденский сквер, разбитый перед стадионом «Динамо» и едва сдерживался, чтобы не пуститься вприпрыжку. Несolidно – всё же, восьмой класс, не сопляк какой-нибудь мелкий... Солнце весело подмигивало из луж, оставшихся после утреннего дождика, листва, ещё не знавшая, что лето уже три дня, как закончилось, шелестело над головой, и лакированные листочки лип отбрасывали по сторонам едва уловимые солнечные зайчики. Голуби – здоровенные, жирные, совершенно ничего не боящиеся, – паслись на аллеях сквера, деловито разгоняя наглых воробьёв, претендующих на свою долю исклёванной до дыр горбушки. Благодать, да и только!

Радостную картину слегка омрачало происшествие на тренировке. С одной стороны, обошлось без выволочки от Васича, причём выволочки заслуженной. Ещё бы – сошёл с дорожки, финт какой-то отколол...

А с другой – в чём, собственно, было дело? Он помнил, в какой момент случилось помутнение: это когда он поднялся после падения, а Димон, его партнёр по тому бою, изготовился атаковать. И вот тут-то руки и ноги словно зажали какой-то своей, отдельной от него жизнью...

И, ладно бы, всё это осталось позади! Так ведь нет: несколько раз, уже на улице, он ловил себя на мелких странностях: то ноги несли совсем не туда, куда он собирался идти, то руки вдруг сами по себе пытались открыть свисающую с плеча школьную сумку – большую, плоскую, из синего кожзама, с белыми «Жигулями» и надписью «AutoExport». Последний писк школьной моды, между прочим, пол-лета у родителей выцыганивал...

– Бабай, погоди!

«Бабай» – это школьное прозвище. В третьем классе его звали «Абаш», попросту, без затей, урезав фамилию. Классу к пятому оно как-то само собой превратилось в «Абай», ну а дальнейшая трансформация была уже неизбежна.

Женька обернулся. Размахивая сумкой, перескакивая через лужи, его догонял Аст.

– Васич велел тебя всё-таки проводить, – сообщил он, переведя после недолгого забега дух. – Как ты ушёл, он постоял, подумал, а потом меня и отправил. Говорит: мало ли что случится, дорогу там будешь переходить, или ещё что?..

Женьке хотелось улыбнуться – радостно, во всю физиономию. Как же здорово, что есть друг, и он взял и догнал его! Честно говоря, Серёгино общество – это как раз то, что сейчас нужно. Нет, рассказывать о своих мелких странностях он ему, может, и не стоит, но... всё равно, здорово ведь!

– А классно ты его! Прав Васич, действительно, как в кино! – продолжал восторгаться Аст. – Бамс – и готово, Димон даже защиту взять не попытался! А ты постоял-постоял да и хлопнулся на задницу, я прям обалдел. Что с тобой случилось, а? Может, правда, духота?

– А? – рассеянно отозвался Женька. – Наверное. Помутнение какое-то нашло...

Он помолчал и вдруг решился:

– Понимаешь, оно и сейчас продолжается, правда, слабее. Я на секунду как бы теряю власть над собой... то есть, над своим телом.

– Да ну? – Серёга аж встопорщился от любопытства. – А дальше что?

– А дальше – проходит.

– Это тебя контузило. – с глубокомысленным видом заявил он. – Я читал: такое на войне бывало, когда снаряд рядом взрывался, или по каске бойцу прилетало чем-нибудь. Может, это тебе Гарик так саблей заехал?

– Не, вряд ли. – Женька помотал головой. – Он несильно бил. Да и сам клинок лёгонький, какая от неё контузия...

И замолк, чуть не прикусив язык, потому что шея опять зажила своей жизнью, развернув голову вслед двум ничем не примечательным девицам, спешащим куда-то по своим делам и громко, на ходу, щебечущим.

...и чего ему, спрашивается, эти девицы? Уже совсем взрослые, лет по двадцать, наверное...

...совсем молоденькие, не больше двадцати, девчонки. В остроносых шпильках, складчатых, не достающих до колен, юбках и пёстрых блузках с отложными воротничками, легкомысленно расстёгнутых на две-три пуговики. Бог ты мой, а ведь я совсем забыл, что носили в конце семидесятых! Вот и парни – все, как один, в расклешённых джинсах и рубашках-батниках. Неужели и на мне сейчас такой? Нет, вроде, обычная школьная форма: синие брюки и пиджак, белая рубашка, на шее... угадайте, что? Правильно, галстук. Пионерский. Тот самый, у которого три конца – пионерия, комсомол, партия... или как там? Один из кончиков истрёпан – точно, была у меня дурная манера грызть его в минуты задумчивости, в точности как некий, недоброй памяти грузин...

Ладно, Бог с ними, галстуками и девицами, хотя, последние вполне себе ничего, да и мода на мини-юбки заслуживает всяческого одобрения.

Итак, я попал, и в этом нет ни малейших сомнений. Тело подростка, вокруг Москва конца семидесятых... Сколько мне сейчас лет – пятнадцать, четырнадцать? Скорее всего, четырнадцать – пионерский галстук отчётливо указывает на восьмой класс, да и фехтование я к девятому уже бросил. Грызёт, правда, уголок сознания эдакий червячок, и недаром, надо сказать, грызёт: если верить неоднократно перечитанным авторам, попаданец, оказавшийся в «себе, ребёнке», должен чувствовать себя, как рыба в воде. Ну, разве что, случится некий кратковременный «стартовый шок», придётся слегка поучиться владеть юным телом, вживаясь заодно в давно и прочно забытую действительность. А тут – сижу, как в клетке. Вернее, в невиданном 3D-кинотеатре, когда действительность вокруг и объёмная, и даже насыщена всеми положенными запахами и тактильными ощущениями. Только вот повлиять на происходящее я не могу от слова «никак».

Значит – шизофрения? Хотелось бы верить, что нет. Хотя, если вдуматься – разве оказаться в шкуре попаданца лучше? От шизы хоть вылечить могут. В теории.

Вот чёрт, и обдумать толком ничего не выходит – непослушные ноги несут вперёд, голова (опять-таки, помимо моей воли) крутится по сторонам. В уши, в ноздри, в глаза непрерывным потоком вливаются ощущения, впечатления – давно забытые, радостные, наполняющие общее наше тело миллионами щекочущих пузырьков. А ведь по-хорошему, сейчас самое время присесть вон на ту, скажем, скамеечку, прикрыть глаза и не торопясь, спокойно обдумать создавшуюся ситуацию. А потом осторожно разлепить веки, исподволь надеясь, что это всё был сон, и вокруг будет снова...

...этого только не хватало! Оказывается, я никак не могу уловить воспоминание, предшествующее переносу – или как ещё обозвать процесс прекращения существования в прежнем теле, и осознания себя вот в этом? Когда, откуда, что делал в этот момент – всё скрыто в каком-то тумане. Мелькают, правда, какие-то обрывки, но их ещё собирать и собирать, словно дурной пазл...

А может, дело в обилии внешних раздражителей? И, стоит только мне (...или ему? Нет, так точно крыша скоро поедет...) хоть чуть-чуть успокоиться – и мысли снова обретут привычное плавное течение?

Так, ладно, с этим потом. А пока – попробуем найти в новом положении хоть что-то хорошее. Как там, в старой, слышанной ещё в студенческой молодости, песенке?

Я прожил, горестную жизнь,

И понял не вчера:

Что, как судьба не повернись,

Нет худа без добра.

И если я сорвусь в каньон,

Неловкий, как арбуз...[1 - Песня на стихи Леонида Филатова. Написана в 1979-м г.]

Стоп-стоп! А вот это уж точно шиза: распевать песню, неизвестно, сочинённую уже, или нет, когда сам по сути, в полной... ну, вы поняли. Хотя – а что ещё остаётся? Попадать так с музыкой...

Итак: некое преимущество перед книжными попаданцами у меня, пожалуй, имеется: можно не тыкаться во все углы, как слепой щенок, а неторопливо, ничего не предпринимая, наблюдать, постепенно восстанавливая в памяти необходимые детали, свыкаться, овладевать... чем?

Хороший вопрос – особенно с учётом того, что я сейчас даже рукой пошевелить не очень-то могу. А если бы и мог: надо ещё не напугать «себя-подростка». Он ведь действительно может решить, самом деле, что чем-то серьёзно болен и пожалуется взрослым... маме? Проси-прощай тогда нормальная жизнь, здравствуйте врачи-невропатологи, а то и кто похуже. Нет уж, с экспериментами по «перехвату управления» надо быть очень, очень осторожным. Утро вечера мудренее – это про меня...

...какой ещё вечер? Женька тряхнул головой. Тренировка началась как обычно, в семнадцать-ноль-ноль, ушёл он спустя примерно час. На круглом циферблате часов, что закреплены на столбе возле вестибюля метро «Динамо», стрелки показывают восемнадцать-двадцать три. Темнеет в первых числах сентября поздно – жизнь прекрасна! Девушки скрылись за поворотом аллеи, Аст шагает

рядом, то глубокомысленно рассуждая о контузии, то вдруг перескакивая на виденные в кино фехтовальные приёмы – недавно мы ходили в «Иллюзион» на «Скарамуша»[2 - Фильм 1976-го года, производства Германия-Италия-Югославия.], и он до сих пор под впечатлением.

– ...может, тебя под локоть поддержать? – закончил очередную фразу Аст. – А то ещё свалишься прямо на эскалаторе...

Они, и правда, подходили к метро. К низкому, оконтуренному со колоннадой, вестибюль станции «Динамо», ведёт широкая лестница из десятка ступеней. Верху, чуть в стороне белый с тёмно-синими буквами киоск.

– Нет, не надо. – помотал головой Женька. – Я что, девчонка? Сам дойду. Давай лучше по пломбиру, у меня осталось ещё копеек тридцать, мама дала. Пятачок только на метро оставить...

Аст порылся в кармане.

– У меня тоже есть: вот, два гривенника и двушка. И на проезд хватит, и на два стаканчика с розочкой!

...стаканчик сливочного пломбира с розочкой – это нечто! Мне досталась розовая – помнится, были ещё зеленоватые и жёлтые. Честные, на сливочном масле, а не на маргарине, как станут делать уже потом, в перестроечные годы. А дальше «розочки» и вовсе пропадут, чтобы вернуться уже в конце нулевых – увы, совсем не с тем вкусом.

...а может, дело в том, что я сам к тому времени успел состариться?..

Понедельник

4 сентября, 1978 г.

ст. м. Речной Вокзал, р-н Ховрино

Дело к вечеру

Станции зелёной ветки – «Аэропорт», «Сокол», «Войковская», «Водный стадион» – промелькнули, не оставив особых впечатлений. Если там что и изменилось, то лишь дизайн информационных табличек. Даже вагоны поезда не вызвали особой ностальгии – и начале двадцатых годов следующего века в столичном метрополитене хватало таких – то ли старательно восстановленных, то ли новых, но с «классическим» дизайном. Но стоило выйти на станции «Речной вокзал» (ох уж этот «сортирно-кафельный» архитектурный стиль станций московских окраин!) и подняться наверх...

Квадратная коробка вестибюля с бетонной нашлёпкой-козырьком – вот, пожалуй, и всё, что осталось тут от 21-го века. В моём времени она стыдливо прячется за пятиэтажной коробкой торгового центра и ядовито-зелёным, застеклённым от фундамента до конька крыши, «Макдональдсом», а не стоит в гордом одиночестве, на фоне жиденьких деревьев парка «Дружба» и типового набора ларьков – «табак», «Союзпечать», «Мороженое». Сочная, не увядшая ещё зелень газонов, вдоль тротуара газетные стенды: «Правда», «Комсомолка», «Труд» «Известия». Сама площадь стала заметно шире – да что там, она почти пустая, хоть в футбол играй...

На противоположной стороне, у северного вестибюля изменения не столь незаметны. Но нам-то нужен этот, южный, выводящий к автобусам. Вот, кстати, и остановки – 188-го и 233-го. Помнится, можно было ездить и на 90-м, но потом его пустили в обход, и до родимой Онежской получается чуть ли не вдвое дальше – крюком по Лавочкина и Петрозаводской. Ну и ладно, вон, как раз подкатывает жёлтый двухзвенный «Икарус» с номером «233»...

– А билеты? – озабоченно спросил Женька, глядя на подъезжающего автобуса. – Денег же не хватит!

И подкинул на ладони россыпь бронзовых чешуек, по копейке каждая.

– Всего шесть, а надо десять...

Аст осмотрел жиденькую кучку людей на остановке.

– Народу мало, передавать «на билетик» не нужно. Высыплем, что есть, а оторвём два.

– А заметят? – опасливо спросил Женька. – Тетка какая-нибудь глазастая... Прицепится – стыда не оберёшься!

– Ты меня загородишь, когда буду отрывать – предложил Аст, и он немедленно устыдился собственной трусости. Да и идти пешком не хочется – ноги гудят после тренировки.

Серёга оказался прав – никто в их сторону даже и не глянул. Он, воровато озираясь, открутил билет (резиновая рубчатая лента под прозрачным пластиковым колпаком послушно поползла, сбрасывая их мелочь в недра кассового аппарата), и они устроились там, где и хотели – в соединяющем две половинки отсеке, на поворотном круге, и наблюдать, как он проворачивается, как растягиваются резиновые складки «гармошки». Или же, встать одной ногой на круг, а другой – в соседнюю часть салона, и тогда при повороте ноги сами собой разъедутся в разные стороны...

Но сейчас есть дело поважнее: обязательный ритуал автобусного пассажира, выявление «счастливых» билетиков. Проще простого: номер на билете, состоит из шести цифр, две группы по три. Если суммы цифр в обеих половинках совпадут – тебе повезло.

Аст считал, шевеля губами. Женька, чуть привстав, заглянул ему через плечо (Серёга был выше на полголовы) и вдруг отчётливо услышал прозвучавшее в голове:

«...а вот „Тройку“ или смартфон, которым с некоторых пор можно оплачивать проезд в наземном транспорте на „счастье“ не проверишь...»

Салон покачнулся, поплыл, и Женька, чтобы не упасть, ухватился за гнутый поручень. И снова чуть не полетел с ног, потому что металлическая труба под ладонями поехала вбок – автобус сворачивал с площади на Фестивальную, и поворотная площадка повторила его маневр.

...Какая ещё «тройка»? И что такое «смартфон»? Снова – последствия контузии? Может, и правда, заболел? Только этого не хватало...

– Во! Одиннадцать и одиннадцать! – Аст крикнул так, что на них стали обращиваться. – Разыграем на камень-ножницы-бумага?

Женька выиграл – со второго раза, когда его ладонь-бумага завернула Серёгин кулак-камень. Запихал билет из жёлтой, тонкой до полупрозрачности, бумаги в рот, и принялся жевать.

Повезло!

...это хорошо, удача мне не мешает. Потому что – мама. Отца нет дома, он в командировке – этот жалкий обрывок сведений я ухитрился выудить у своего юного «альтер эго», чему изрядно порадовался: идёт контроль, идёт!

Итак, отца нет, а вот мама дома, и через несколько минут мне предстоит с ней встретиться. Да, конечно, я буду сидеть в дальнем уголке сознания «себя-подростка», как мышь под веником, никак себя не проявляя, но... получится ли? Стресс предстоит сильнейший, особенно с учётом того, что мама в оставленном мной прошлом (во всяком случае, той ей части, что сохранилась в моей памяти) ещё жива, благополучно отпраздновав восьмидесятилетие... Не захлестнёт ли «юного меня» волна взрослых неконтролируемых эмоций? Это риск, ему ведь и так досталось сегодня не по-детски. И, ещё подозреваю, достанется: завтра школа, встреча с одноклассниками и учителями – эмоции и прочие непредвиденные реакции попрут из меня бурлящим потоком, и далеко не факт, что я сумею его обуздать...

– Завтра первым уроком что, история?

– Ага. – кивает Аст. – Геша ведёт.

– Здорово! – обрадовался Женька. Историю он любил и уже успел наскоро полистать оба учебника – и «Новую историю» с картинкой, изображающей штурм Бастилии на бежевой картонной обложке, и «Историю СССР», где на голубом

фоне красовались четыре цветных иллюстрации из жизни девятнадцатого века.

А Серёга к истории равнодушен. Ему географию подавай. Ну, ещё бы, мать – геолог, весь Союз исколесила. Вот и сын нацеливается по её стопам, в Геологоразведочный институт.

Они расстались возле Серёгина дома – известного на весь микрорайон «дома циркачей», на торце которого красуется огромное изображение клоуна и цирковых львов. Дом (как, впрочем, и большинство соседних) был кооперативным, и немалую часть его обитателей составляли сотрудники разных структур Союзгосцирка. Дети из цирковых семей были нередкими гостями в Женькиной школе – они появлялись ненадолго, проводили с классом одну-две четверти, после чего исчезали на очередные гастроли.

– Слышь, Бабай, что-то ты сбледнул с лица. – озабоченно сказал Аст. – Нет, правда, бледный какой-то, и вспотел... Может, тебя, и правда, до дома проводить?

– Не надо. – отмахнулся Женька. – Тут два шага, сам дойду как-нибудь.

Они стояли возле Серёгина подъезда. Женькин дом был чуть дальше, за длинной пятиэтажкой, стоящей на невысоком пригорке – у его подножия угнездилась крошечная, на три машины, парковка и старая, оставшаяся от снесённой деревеньки Ховрино, голубятня.

...в самом деле, чего это он взмок? И руки вот трясутся...

– Ладно, я пошёл. До завтра!

Он с деланно-беззаботным видом закинул сумку за спину и зашагал прочь.

...а ведь прав Серёга: его колотит, и ещё как. И справиться с этим, как Женька ни старался, не получалось. С чего бы это, а?..

...вот и мой (наш!) подъезд – предпоследний слева, пятый в стандартной панельной девятиэтажке, которыми, как грибами, поросли московские окраины вслед за знаменитыми «хрущёвками». Скрипнула пружиной дверь парадного –

никаких домофонов, никаких стальных листов, только деревянные планки и узкое, почти во всю высоту, стеклянное окошко, вечное замызганное, едва пропускающее свет. Пол-пролёта лестничных ступенек, ведущие на площадку первого этажа, неровные пластиковые перила, по которым в иной ситуации так весело скатываться, сидя на пятой точке... Лифт – старый, с открывающейся вручную гулкой железной дверью и окошком, забранным металлической сеткой.

...закреть наружную дверь, потом распашные дверки самой кабины – из обычного ДСП, покрытого потрескавшейся, выщербленной отделочной панелькой «под дерево». Кнопка, шестой этаж – в окошках замелькали кабели и торцы межэтажных перекрытий. Если прямо сейчас приоткрыть одну из створок, лифт остановится, и я получу желанную отсрочку.

...а смысл?..

Всё. Поздно. Лифт, звякнув, остановился.

Вправо, чёрная, обтянутая дерматином, с латунными гвоздиками-розочками, дверь. На плексигласовой табличке цифры – «164», под ногами – потрёпанный жизнью резиновый рельефный коврик. Иногда под него прятали ключ...

Три звонка, это я отлично помню – два коротких и длинный. Нехитрый код, один и тот же для половины обитателей многоквартирных домов большой страны.

Приближающиеся шаги, за дверью – лёгкие, торопливые.

...вот, сейчас...

Получилось. Не представляю, что было бы, поведи я себя иначе. Только это решение – забиться в дальний уголок сознания своего альтер эго, сжаться, закуклиться в позе виртуального зародыша, не выпуская наружу ничего лишнего, и самому стараясь воспринимать как можно меньше, и спасло ситуацию. Потому что... мама.

В начале нулевых у нас приключилась трагедия. Мать затеяла очередную генеральную уборку – избавляла дом от накопившегося хлама, наполняя им

большие пластиковые пакеты, заранее выставленные в прихожую. А я, заехав навестить под вечер, выволок их на помойку – в мусоропровод эти дуры не влезали. А через несколько месяцев мама собралась заглянуть в старые семейные фотографии – и не нашла не одной! Тогда-то и выяснилось, что во время той самой большой приборки, она случайно выставила пакет с уложенными в него альбомами в коридор, а я, ничтоже сумняшеся...

Из всех семейных архивов уцелел только мой выпускной школьный альбом, да и то, потому что я за несколько лет до этого грустного события отвёз его к себе на квартиру.

К чему я это? А к тому, что из пропавших фоток, я особо запомнил одну: мама, совсем молодая, лет двадцати, рядом с таким же молодым отцом и его другом дядей Володей, стоят на фоне недавно достроенного ГЗ МГУ. Чёрно-белая фотография, с обрезанными фигурными зубчиками краями. Мама в широченной колоколом юбке – весёлая, юная, звенящая... красивая!

Так вот, она была почти такая же. Подумаешь – пятнадцать лет! Вместо последнего писка моды начала шестидесятых на ней был домашний атласный халатик, но... какая разница? Когда она потрепала Женьку по голове, я чуть не сорвался – захотелось обнять, уткнуться, зареветь по-детски...

Положение спас мой юный «сокамерник» по общему телу. Он вывернулся из под маминой ладони (как же, несолидно! Вот-вот стукнет пятнадцать, мы теперь взрослые!), и удрал на кухню, ужинать. Дав тем самым мне минутную передышку, столь необходимую, чтобы собрать в кучку встрёпанные чувства. Сосиски с макаронками... чай... пожалуй, обойдусь без традиционных для «попаданцев» восхвалений «той самой» кухни. В юности, да ещё и после насыщенного дня, вкусно всё.

Покончив с ужином, мы (мы с Женькой, разумеется) заглянули к себе в комнату. Всё, совершенно всё так, как я и помнил! Большой гардероб в углу, с него свисает колючий аспарагус – ему предстоит выдержать переезд в следующем году, а вот очередной «трансфер», уже в недоброй памяти девяносто третьем, его добьёт. Письменный стол перед окном, с обеих сторон – самодельные, отцовской работы, полки, на них Вальтер Скотт, Жюль-Верн, Марк Твен... Настольная лампа с прямоугольным зелёным абажуром. С одной стороны пластик оплыл, покоробился – ввернули стоваттную лампочку, вот он и не выдержал...

За стеной забормотал телевизор. Женька скинул школьную форму, не удосужившись повесить её в гардероб (аж на душе потеплело – понадобится армейская служба, чтобы приучить этого раздолбая к порядку) натянул хлопчатобумажные треники, футболку, и двинул в большую, родительскую комнату. А я на ходу губкой впитывал каждую, до боли родную, мелочь. Вот сервант из венгерского гарнитура, на тонких ножках. Книжный шкаф из того же комплекта – у меня в комнате, напротив дивана. Висят на дальней от окна стене в шахматном порядке полки. Они и через сорок лет в моей квартире – правда, без стёкол, побитых при трёх переездах. На средней полке, сверху – модельки кораблей из серого полистирола. «Аврора» и стендовые модели положено шпаклевать, красить и доводить до ума. Напротив родительской тахты «Темп» на длинных ножках-ходулях – задняя крышка снята и стоит у стены, лампы покрыты слоем пыли. Если экран пойдёт рябью, одну из ламп надо слегка вытащить из гнезда, а потом воткнуть поглубже. Интересно, вспомню сейчас, какую именно?

Проверить это мне не удалось. Мама щёлкнула круглой ручкой переключения каналов, ища что-нибудь интересное – до программы «Время», за которой в обязательном порядке следовал какой-нибудь художественный фильм, оставалось около часа. Ну-ка, ну-ка, что там сегодня готовит Центральное телевидение Страны Советов?

Альтер эго словно уловил мою мысль – шустро сгрёб с тумбочки «Правду» и зашуршал страницами в поисках телепрограммы. Ого, «Вечный зов», восьмая серия! Отлично помню, как мы всей семьёй собирались у экрана и следили за перипетиями жизни сибирской глубинки в в огне революции и Гражданской войны... Старенький «Темп» не мог воспроизводить цветную картинку, а потому герои Александра Иванова так навсегда и остались для меня чёрно-белыми...

Сегодня семейного просмотра не будет. Отец уже месяц, как в командировке. Это случалось довольно часто и называлось «во Владимировку», на крупнейший в Союзе полигон по боевому применению авиации. Борис Харитонович Абашин работал ведущим конструктором по лётным испытаниям на МиГе. И, когда не отлучался в приволжские степи – ежедневно ездил в подмосковный Жуковский в ЛИИ имени Чкалова.

И вернётся он совсем скоро, о чём с таинственной улыбкой сообщила мама – «к твоему дню рождения!»

Ели-метели, а я и забыл! У меня же через три дня юбилей, пятнадцать лет. А что, вполне себе дата...

И – совершенно детская мысль, непонятно, моя или Женькина: «... а что подарят?..»

...но, ведь правда, интересно! Недаром отец, отправляясь в командировку, отпускал неясные намёки насчёт «настоящего мужского подарка». В прошлый раз он привёз гильзу от снаряда авиационной пушки и горсть разнокалиберных пуль от тяжёлых пулемётов – 12,7 и 14,5 мм. Вон они, занимают почётное место на письменном столе, между лампой и проволочной подставкой для книг. А сейчас?..

Смотреть «Вечный зов» расхотелось. Зато снова – сначала в коридоре, а потом и в комнате, и перед телеком – раз за разом подступало непонятное нечто, от которого щемило в груди и предательски намокали глаза. Матери Женька сразу решил ничего не говорить – оно ему надо, бегать по поликлиникам перед самым днём рождения? А потому – свалил к себе, оговорившись усталостью после тренировки. Откинул диван, извлёк одеяло, простыню с подушкой, застелил и улёгся, поставив настольную лампу рядом с собой, на стул. Спать не хотелось совершенно. Он свесился вбок, пошарил под диваном и извлёк оттуда книгу.

Её он читал уже третий вечер, часик-полтора перед сном. Серая, в меру потрёпанная обложка с тиснёной рамкой «Библиотеки приключений и научной фантастики». В рамке картинка – человек в скафандре и болтающимся на поясе коротким мечом вытаскивает из распахнутого настезь люка другого, тоже в скафандре и круглом «космическом» шлеме. Кир Булычёв, «Последняя война». Женька открыл заложенную страницу (сколько ни бились родители, но так и не отучили чадо загибать уголки), невесело вздохнул – непрочитанными осталось всего ничего, каких-то пара десятков страниц – и, как в тёмную воду, с разбегу нырнул в текст:

«...Антипин отодрал от себя ослабевшие руки генерала, оттолкнул его ногой подальше от пульта и нажал зеленую кнопку под второй красной. Логика механика не обманула его. Каменная крышка медленно вернулась на свое место.

– Ну, что будем делать, генерал? – спросил Антипин и подумал: „Черт возьми, опять кровь из щеки идет. Еще шрам останется“. И добавил вслух почти весело: – Я обид не помню.

Вапрас приподнялся с пола, оперся о пульт, достаточно далеко от Антипина, так что тот не заподозрил ничего неладного.

– Мы будем еще воевать, – сказал генерал и нажал красную кнопку на дальнем конце пульта. Кнопку, которая должна была детонировать атомные бомбы.

И вспыхнул ответ...»

Книга выскользнула из расслабленных рук и мягко шлёпнулась на ковёр. Но укутавшийся в одеяло подросток никак на это не отреагировал – он, а вернее сказать, двое, разделивших, согласно чьему-то изоощрённому замыслу, этот растущий организм, уже пребывали в крепком сне. Женька Абашин, пятнадцатилетний московский школьник, законный владелец этой изрядно вымотанной событиями прошедшего дня плоти. И другой «он» – Евгений Борисович Абашин, шестидесяти лет от роду.

Попаданец.

«...прорыв в районе города Бендеры ликвидирован. – вещала симпатичная блондинка с экрана странного плоского телевизора по соседству с маленькой плоской же клавиатурой. – После нанесения удара двумя дивизионами тяжёлых огнемётных систем „Солнцепёк“, угрожаемый участок подвергся полной стерилизации не менее, чем на три километра в глубину. Боевые корабли и авиация Черноморского флота готовы поддержать сухопутные войска, путём нанесения ударов крылатыми ракетами с ядерными боеголовками средней и малой мощности. Стратегические ракетноносцы Ту-160М и ТУ-95МСМ, взлетевшие с аэродрома близ города Энгельс...»

Вместо дикторши на экране появилось изображение тяжёлой явно, бронированной машины необычного вида: плоский танковый корпус на широких гусеницах, вместо башни – огромный параллелепипед, торцы которого усеяны рядами чёрных отверстий. Вот параллелепипед поднимается примерно на сорок пять градусов, из отверстий в тыльной части вырываются дымно-огненные

струи. С задранного к тревожному тёмному небу торца установки одна за другой срываются длинные огненные стрелы и уносятся куда-то вдаль. Изображение снова сменилось: городские пригороды, застроенные невысокими частными домиками, на улицах люди, много, много людей. Внезапно поперёк картинка ширкнуло что-то, тянущее за собой огненный хвост, и прямо в гуще домиков стали вспухать огненные пузыри – вспухать, затягиваться бурыми клубами, сливаться в сплошную дымную стену, полыхающую изнутри багровым пламенем.

А девушка на экране снова вещала, то и дело бросая взгляд на серебристую тонкую пластинку, с надкусанным яблоком на тыльной, обращённой к зрителям, стороне:

«...подводные атомные крейсера „Пермь“, „Владивосток“ и „Северодвинск“ проекта „Ясень“ нанесли множественные удары крылатыми ракетами в термоядерном оснащении по разведанным целям на восточном побережье Мексики и Флориды. Среди прочих целей, уничтожены: космодром на мысе Кеннеди и объекты космического наблюдения ВВС США AFSSS, также известная, как space fence „космический забор“, в том числе – центр управления AFSSS в Дальгрене, штат Вирджиния. На всех этапах этой операции нашим подводникам оказывали поддержку атомная подводная лодка „Мичиган“, тип „Огайо“ – последняя уцелевшая к настоящему моменту ядерная субмарина ВМС США...»

Изображение снова сменилось. На этот раз камера, расположенная где-то над океаном, показывала предрассветное побережье, над которым один за другим вспухали атомные грибы. Их «шляпки» расползались, соединяясь где-то в стратосфере, и чёрные облака выбросов подсвечивались с поверхности земли сплошными пожарами. И это зрелище настолько притягивало глаз своей невозможной жутью, что не мозг не успевал ухватить содержание бегущей вдоль нижней кромки экрана полосы текста.

«...и завершаем новостной выпуск традиционным призывом обращать внимание на любые странности в поведении окружающих вас людей. – снова заговорила дикторша. – Помните, что при полной или частичной потери памяти, а так же в случаях резкого, немотивированного изменения поведения человека следует немедленно сообщить...»

Женька вскочил, как встрёпанный, сел на диване. Ночь, свет полной луны льётся в окно, и хорошо виден циферблат будильника, стоящего на подоконнике. 11.58 – почти полночь. Он помотал головой, гоня прочь отголоски жуткого сновидения. Ну и сон – яркий, правдоподобный, он едва не поверил, что это всё взаправду. Подводные крейсера, атомные взрывы... а солнцепёк-то тут при чём?

Взгляд упал на лежащую возле дивана книжку. «Меньше надо на ночь читать про ядерную войну» – решил он, положил книжку на стул, рядом с лампой, и улёгся, накрывшись с головой тонким одеялом.

Я лежал, ни жив, ни мёртв – если, конечно, можно сказать такое о сознании, притаившемся в уголке чужого мозга. Что за дичь? Это не просто сон, нет – я отличнейше узнал свой письменный стол, монитор, клавиатуру... как и логотип популярного телеканала в правом верхнем углу картинки. А вот само содержание новостного выпуска...

Наши лодки громят Восточное побережье совместно с американскими подводниками? Прорыв – какой ещё прорыв, кто прорвался? – где-то в Молдавии купируется ударами термобарических боеголовок по густонаселённым кварталам, да ещё и флот готов подбросить до кучи своих нуклеаров? И что за терминология такая дикая – «стерилизация»?..

А самое непонятное: дата, «октябрь 2023 года», мелькнувшая в бегущей информационной полосе. А ведь последнее воспоминание, на котором мне удалось хоть немного сосредоточиться, относится, в лучшем случае, к середине 2021-го года...

Если ко мне постепенно, в манере неоднократно описанных многими авторами флэшбэков, возвращается память – что за ужасы творятся в 2023-м? «Большой бадабум» наконец состоялся, и остатки цивилизации догорают в ядерном пламени. Но почему, в таком случае, в новостном выпуске не было ни единого намёка на ответные удары неведомого врага? Разве что, счесть за таковой обмолвку насчёт последней американской подводной лодки... И, что характерно: ни слова о человеческих жертвах, хотя они при таких работах, а это уже совсем ни в какие ворота. А он работает, точно – картинка-то была на мониторе... Создаётся впечатление, что идёт какая-то дурная игра в одни ворота, союзниками в которой выступает Россия и Штаты, а противник находится не

только в Мексике с Флоридой, но и в соседней Молдавии.

Или всё не так страшно, и напугавший нас с Женькой репортаж – лишь ночной кошмар, шуточки моей амнезии?

Кстати, об амнезии – что там говорила дикторша насчёт изменений в поведении и потери памяти? Как-то это не очень монтируется с глобальной ядерной войной...

Совпадение? Ох, сомнительно...

Всё, спать, спать! И, желательно без снов, а то ведь можно и проснуться с утра буйным психом. Даже, в некотором смысле, двумя буйными психами, поскольку моё безумие уж точно затронет Женьку – и по самой что ни на есть полной программе. Мама такого точно не заслужила.

Вторник

5 сентября, 1978 г

Ул. Онежская

Утро. Вроде бы, доброе

Проснулся Женька совершенно разбитым. После полуночного кошмара он долго ворочался, борясь с накатывающими приступами глухого беспокойства.

Казалось, стоит заснуть – и жуткая картинка повторится. Кое-как забыться удалось только под утро, и на тебе, мать уже треплет за плечо: «Вставай, засоня, в школу пора!»

Он нехотя поднялся, натянул треники и поплёлся в ванную, потом на кухню. Завтрак уже дымил на столе – глубокая тарелка, полная желтоватых хлопьев с лужицами растаявшего масла.

– Овсянка, сэр! – вырвалось само собой.

...вчерашнее повторяется? Он же не собирался этого говорить!..

– Конечно, овсянка! – мама положила рядом с тарелкой ложку – его персональную, десертную, серебряную, согласно семейной легенде, купленную в день его появления на свет. – «Геркулес». Он, чтоб ты знал, очень полезный, только есть надо каждое утро. Садись, сейчас чаю налью. Тебе сколько сахара?

Женька сел, уныло поковырял ложкой в клейкой массе. Есть не хотелось совершенно. Он с надеждой посмотрел на мать.

– Две ложки. Мам, мне что-то нехорошо. Может, простыл вчера после тренировки?

Она вытерла руки полотенцем и положила ладонь сыну на лоб.

– Не горячий, просто не выспался. Читать меньше надо и ложиться вовремя – тогда и будет «важно». Давай, ешь и не устраивай тут мне театра драмы и комедии! Сполоснёшь потом лицо холодной водой.

– ...вы слушали «Пионерскую Зорьку»? – жизнерадостно сообщил радиодинамик «Москва». Мама бросила взгляд на будильник, стоящий на хлебнице.

– Десять минут осталось! Ты хоть тетрадки вчера собрал?

Женька виновато помотал головой.

– Я так и думал. – мама всплеснула руками. – Доедай скорее и беги, горе луковое! Опоздаешь!

«...что, парень, не вышло откосить? – злорадно подумал я. – Мамы, они такие. Все наши ухищрения видят насквозь, и неважно, сколько нам лет – пять, пятнадцать, или сорок пять...»

В отличие от альтер эго я после пробуждения я чувствовал себя превосходно. Первое открытие – оказывается, я могу спать, независимо от Женьки. Мало того, высыпаться! Вот и сейчас – Женька старательно изображает из себя сосуд мировой скорби, а я бодр, сконцентрирован, уверен в себе. Футуршок, качественно придавивший меня вчера, отпустил – похоже, с самим фактом «попаданства», как и с любой серьёзной жизненной неприятностью, следует переспать ночь. И это второе открытие: внимание больше не раздёргивается на узнавание тысячи окружающих меня мелочей. Мир снова стал цельным, слившись со своим двойником, что существовал отдельно, в моём восприятии.

Третья хорошая новость: теперь я могу осторожно заглядывать в Женькину память, не тревожа его самого. Пока ещё мельком, урывками – но получается же! Или это всплывают в моей собственной памяти надёжно похороненные там детские воспоминания?

Нет, скорее всё-таки первый вариант. Мозг-то у нас теперь общий – вот я и получаю постепенно доступ к новым разделам хе-хе-хе, жёсткого диска...

И, на закуску – четвёртая новость. Пожалуй, самая важная. Удалось выработать своего рода способ «мягкого взаимодействия» с моим соседом по телу. Делается это просто: я концентрируюсь на какой-то мысли и аккуратно, исподволь подсовываю её Женьке. А когда замечаю, что она его зацепила – даю второй импульс в том же направлении. Известный трюк – чтобы сбить человека с ног, надо дважды, с малым интервалом, сильно толкнуть его ладонью в плечо. Тут то же самое, только ментально. Важно выбрать правильно момент, – и тогда всё получается, как надо – мысль (побуждение, действие) проскальзывает в череду его собственных, как намыленное, а он и не замечает, что сделал что-то «не своё». Вот, как вышло с этим дурацким «Овсянка сэр!» Женька никак не мог знать этого мема – фильм с Ливановым выйдет только через три года, в восемьдесят первом.

Что ж, дело полезное, конечно, но только это не выход. Надо как-то налаживать двустороннюю связь. Без этого я далеко не продвинусь. А пока – ждать, наблюдать и потихоньку, исподволь, подталкивать альтер эго в правильном направлении.

...в конце концов, я ведь старше, верно? А значит, мне и виднее, какое из них – правильное...

Потихоньку и исподволь не вышло. Хорошо, что в этот момент я выходил из подъезда – успел схватиться за столбик, подпирающий козырёк и не проехался носом по асфальту.

Это случилось вдруг, сразу – когда очередное моё «проталкивание» совпало с лёгким беспокойством, накатившим на «реципиента». Забыл он что-то положить в сумку и встревожился по этому поводу – я так и не уловил. Сознания, моё и Женькино, с громким щелчком переключились, поменялись местами, и я осознал себя главным. Главным, понимаете? Стоило только справиться с секундным помутнением, из-за которого я чуть не заработал асфальтовую болезнь, как всё стало на свои места. Руки – мои руки! Как и ноги, и всё пятнадцатилетнее тело. Теперь не надо осторожно готовить, проталкивать, подсовывать – каждый мускул охотно подчиняется, энергия бурлит в каждой клеточке тела, которое я ощущаю безусловно своим...

...позвольте, а где же Женька? Сознание подкинуло ответ: да на моём месте, сжался в комок в специально отведённом для этого уголке мозга и паникует по поводу случившегося. Вот, кстати, и пятый вывод: зная о своём статусе «попаданца», я имею над ним преимущество. Осознать своё положение – значит, в определённом смысле, контролировать его. А этого-то мой юный двойник и лишён.

Попробовать перещёлкнуться назад? Нет, не стоит: на этот раз Женька точно запаникует и кинется за помощью к маме. А уж та не ограничится ощупыванием лба.

Так что извини, друг ситный, а придётся тебе немного побыть в моей шкуре. Пассивным наблюдателем. Кстати – попробуй-ка заглянуть в мою память – глядишь, это поможет тебе принять то, что случилось с нами обоими.

...не поверите – но мне показалось, что он услышал. И даже обозначил что-то вроде неохотного согласия. Выходит, связь налаживается?

Ладно, это всё потом. А сейчас надо торопиться. Я с удивлением обнаружил, что за попытками разобраться с приоритетом в собственном теле я изрядно отклонился от привычного маршрута. Взгляд на запястье, где красуется подарок на прошлый день рождения, часы «Секунда» – ё-моё, да я уже опоздал, звонок

прозвенит через две минуты, а до школы не меньше пяти, бегом.

Какой там первый урок, история? И ведёт её директор школы собственной персоной.

Итак, «а тро марш»! Что по-французски означает: «на рысях, вперёд». Как же здорово, когда ноги сами несут мальчишеское тело, зная не знающее об одышке, радикулите и болях в коленях...

Вторник

4 сентября, 1978 г.

Ул. Фестивальная, школа №. 159

День, новый день!

До школы я добежал минуты за три, установив новый личный рекорд в забегах по пересечённой местности. Оставляю слева детский сад (два плоских здания из красного кирпича), минуя новенькую нарядную семнадцатизэтажную свечку-«лебедь». С разбегу перемахиваю через низкий бетонный заборчик, порадовавшись, что сегодня никто не озаботился выставить «караул» из дежурных старшеклассников, разворачивавших всех, желающих срезать маршрут, в обход, через ворота. А может и озаботился, только караульщиков сняли, сразу после звонка на первый урок? Да какая разница...

Короткий косогор позади, мухой взлетаю на широкое крыльцо. Внешняя, предбанник, собранный из мутно-зелёных стеклоблоков, ещё дверь... ну, здравствуй, родимая школа номер 159! Давненько я тебя не навещал. Лет пятнадцать, пожалуй?

Кабинетов истории у нас два, это я помню и без Женьки. Причём оба – в левом крыле третьего этажа. На лестнице чуть не налетаю на какую-то женщину, но, к счастью, вовремя торможу.

...какую-то? Поздравляю, Шарик, ты балбес!..

– Здравсьте, МарьВладимирна! (уф-ф, кажется, не напутал – спасибо утренним вылазкам в Женькину память. Или всё же вспомнил сам? Пофиг, потом...)

Наш завуч, низенькая, полноватая тётка за сорок. Одета в строгий тёмный костюм – юбка и пиджак или как это называется? – сиреневую блузку с кружевами на воротничке, жиденькие русые волосы собраны на затылке в луковицу. И смотрит на меня оч-чень даже неодобрительно.

– Абашин, восьмой «А»? Почему не на уроке?

Взгляд профессионально пронзительный, строгий – недаром её боятся больше других учителей. А вот я сейчас ничего не боюсь, наглец эдакий. Нет, серьёзно – мне просто весело и хорошо. Так хорошо, как не было уже очень-очень давно.

Собеседница замечает мою улыбку и хмурится. Всё верно: по её понятиям я должен стоять по стойке «смирно» и всячески демонстрировать раскаяние.

Ну, хорошо, будет вам раскаяние. Мне что, трудно?

– Простите ради Бога, МарьВладимирна, проспал... э-э-э... тарелку с «Геркулесом» опрокинул. – зачистил я, просительно складывая руки на груди. – Мама уже ушла на работу, кот, скотина такая, овсянку не жрёт. Пока пол вытер...

И как вам такая отмазка?..

...а никак. Я не успеваю договорить, а на лице завучихи уже проступило тяжкое недоумение.

Идиот! Нет, не так – адиёт! Какое, нафиг, «ради Бога»? Я советский пионер, или где? А ещё галстух нацепил...

– Так я побегу? У нас история, может, Геш... может Геннадий Васильич сжалится и пустит?

...а что, может не пустить? Память (моя или Женькина? Снова этот вопрос...) услужливо подсказывает: «ещё как может». Директор – мужик справедливый и отходчивый, но под горячую руку ему лучше не попадаться.

И, прежде чем опешившая от моей наглости Мария Владимировна успевает ответить – огибаю её и, на скорости миновав ещё два лестничных пролёта, оказываюсь на третьем этаже.

...что-то крутовато я начинаю, а?..

Геша сжалился. Сердито насупился, выслушал сбивчивые извинения (байку насчёт «Геркулеса» и скотины-кота я решил пока придержать) и кивнул – «проходи». И я прошёл.

Рядом с Астом – он сидит на дальней парте у окна – есть свободное место, и он уже машет рукой. Но я, не доходя две парты, внезапно торможу и усаживаюсь рядом с Миладой Авксентьевой.

– Можно? – одними губами.

Недоумённый взгляд из-под каштановой чёлки, доброжелательный кивок.

– Садись. Чего опоздал?

Вот, теперь в самый раз – про кота! Миладка фыркает в кулачок. Разумеется, ей и в голову не придёт счесть хоть слово из всего этого правдой. Да и знает она, что у меня нет кота, бывала в гостях.

Кстати, о гостях...

– У меня девятого бёздник. – шепчу. – Будешь?

– Бёздник? – Брови недоумённо сошлись, а у меня в груди что-то ёкает. – Это что за зверь?

Ели-метели, это уж точно Женькино! Дело в том, что я был влюблён в Милку класса эдак с шестого – ну, или думал, что влюблён. И дико по этому поводу комплексовал. Звонил и бросал трубку, на уроках садился так, чтобы видеть её, несколько раз даже решился проводить до дому и поднести портфель. А у него это всё, значит, сейчас...

Что ж, тут остаётся только посочувствовать. В начале девятого класса Милада прочно вошла в небольшую компанию, сложившуюся вокруг нас с Серёгой. А спустя всего три месяца – объявила, что родители внезапно уезжают из Москвы – и она, разумеется, едет с ними. То ли в Сибирь, то ли на Дальний Восток, уже не помню. Мы пришли её провожать: стояли у подъезда, говорили, вздыхали, смотрели, как Милкина мама мечется по тротуару – вызванное такси опаздывало. А Милада, покусав нервно губы, отозвала нас в сторону и шёпотом сообщила поразительную вещь: оказывается, ни в какую не в Сибирь они не едут. Семья уезжает в Австрию, в Вену. Уезжает из Союза. Насовсем. Тогда я толком не понимал, что это означает.

– Бёздник – это день рождения. – торопливо, шёпотом пояснил я, делая ещё одну отметку: полегче со сленгом, который кажется мне молодёжным. Можно и не угадать. – Так придёшь?

– Приду. – кивает. – Ты учебник-то открой, Геша смотрит...

Геша – это директор, он ведёт у нас историю. Уничижительное прозвище никак не отражает нашего отношения к нему. Геннадия Васильевича уважают – за грозную внешность, за признанную всеми справедливость. А ещё за биографию: во время войны он был танкистом. Был в школе такой дурацкий обычай: так непочтительно сокращать имена учителей. «Мариша, Клавдиша, Зинуля...»... мало кого из наших наставников минула чаша сия. Трудовик, сухопарый, круглоголовый, плешивый и отчаянно лопухий Александр Иванович, вечно расхаживающий по школе в засаленном синем халате, именовался «Сан Саныч». Военрука, Георгия Палыча, звали «Жора», а Алла Дмитриевна, миловидная, кукольной внешности, «англичанка», удостоилась ласкового «Аллочка».

– У нас сейчас что, «СССР»? – спрашиваю, копаясь в сумке. А Женька тоже хорош – положил зачем-то оба учебника, и «Историю СССР» и «Новую историю». Мне что, монетку кидать?

– Ага. – кивок и лукавый взгляд. – Ты что, не проснулся ещё? «Новая» будет во второй половине года.

Ловлю на себе неодобрительный директорский взгляд. Плохо дело – по ходу, Геша начинает терять терпение...

...а вот мне не страшно – от слова «совсем»...

– «И тут ребята, началось страшное...» – уже было?

Есть у историка такая любимая присказка, когда он повествует о массовых побоищах, сражениях, казнях и прочих исторических ужасах.

Милка снова фыркает.

– Значит, будет. – уверенно заявляю я. Чуть громче, чем следует, потому что на этом Гешино терпение заканчивается.

– Абашин, ты, надо полагать, хочешь высказаться? – грозно вопрошает он, постепенно закипая.

Я пожимаю плечами. В самом деле, откуда мне знать, к чему надо быть готовым? И явственно ощущаю, как внутри моего сознания заходится в панике альтер эго.

«... вы... ты чего? Офонарел? Сейчас вызовет, а это банан, ты же не учил!»

Банан – это двойка. Тут мне подсказка не нужна.

– Так мы ждём, Абашин!

Директор воинственно вскинул подбородок – прямоугольное, словно вырубленное топором лицо покраснелось, как всегда в минуты раздражения.

Я вздохнул, встал, и пошёл к доске.

«Я дерусь, потому что я дерусь, ответил Портос. А Наполеон, подумав, добавил: „Главное – ввязаться в бой, а там видно будет...“»

Или он не так говорил? Не суть.

– Так что вы, Абашин, подготовили?

...раз перешёл на «вы» – значит на грани. И пусть...

– А что надо было? – включаю дурака.

И вижу, как у сидящего на первой парте Андрея Куклина медленно отвисает челюсть. У Ленки Афанасьевой, его соседки по парте, губы изображают заглавную «О». Аст со своей галёрки крутит пальцем у виска. Остальные тоже не отстают.

Пробрало, ребятки? Это называется «слом шаблона». Не сделавшему домашнее задание разгильдяю полагается выкручиваться, мямлить о трудностях дома, врать, что перепутал уроки...

Гешу, кажется, тоже зацепило. Вместо того, чтобы без разговоров вклеить наглецу тот самый банан, он повелительно тычет указкой в ближайшую парту.

– Куклин, что я задавал?

Андрюха вскочил, как встрёпанный. «Лучший в классе по истории» – услужливо подсказывает память, но я на неё цыкаю.

– Подготовить устное сообщение по периоду перед Отечественной Войной тысяча восемьсот двенадцатого года! – бойко отвечает он. Тильзитский мир, завоевание Финляндии, военные поселения, война с Ираном...

– Ещё реформы государственного управления и просвещения. – добавляет Геша. – Не всё в истории, Куклин, сводится к войнам. Садись, молодец. А мы пока... – он разворачивается ко мне, и я отмечаю, что роковой багрянец немного рассеялся. – ...а мы пока слушаем Абашина. И так?..

Я ухмыльнулся. Помнится, бродила в Сети история неизвестного автора, посвящённая малоизвестному эпизоду как раз нужного периода. Стили изложения там, такой... своеобразный. Настолько, что я запомнил его почти слово в слово.

- Регламент? - деловито осведомляюсь я. - В смысле, сколько у меня времени?

Ну, если Геша и сейчас не выставит меня из класса - значит, я что-то насчёт него не понимаю.

...о стенки черепушки бьётся в истерике Женькино сознание. Бедняга, такой стресс...

- Пяти минут хватит? - отвечает вопросом на вопрос директор.

Киваю. Вы хотите песен? Их есть у меня!

- Итак, война с Ираном. - бодро начинаю голосом блогера, записывающего очередной ролик, - В смысле - с Персией, он тогда назывался именно так. В 1805-м году Россия воевала с Францией в составе Третьей коалиции. Но у французов был Наполеон, а у нас - австрийцы, так что успехов на горизонте не просматривалось. Тем временем на юге, у персидского Баба-хана, с мурлыканием читавшего сводки с европейских фронтов, возникла идея. Баба-хан перестал мурлыкать и пошел войной на Россию, рассчитывая расплатиться за поражения 1804-го года. Момент был выбран удачно: из-за очередной постановки спектакля «Толпа криворуких союзников и Россия, которая пытается всех спасти», Петербург не мог прислать ни одного солдата - на весь Кавказ было от силы, тысяч десять штыков!

Я остановился, чтобы перевести дух. В классе повисла тишина. Челюсти, по меньшей мере, половины пребывали где-то в районе узла пионерского галстука.

То ли ещё будет, птенчики...

- Итак, на город Шушу, - я повернулся к висящей на доске карте и ткнул куда-то в район Закавказья, - где стояли гарнизоном шесть рот егерей майора Лисаневича, двинулись двадцать тысяч персидского войска под началом принца

Аббаса-Мирзы. Думаю, он как Ксеркс, тащил за собой позолоченную платформу с кучей уродов и наложниц. Узнав об этом, князь Цицианов выслал всю подмогу, которую только смог. Все 493 солдата и офицера семнадцатого егерского полка при двух орудиях.

Тишина была – можно услышать пролетевшую муху. Геша, и тот замер, стиснув в побелевших пальцах деревянную указку.

– Их перехватили у реки Шах-Булах. Персидский авангард. Скромные четыре тысячи сабель. В то время на Кавказе сражения с за сражения и официально проходили в рапортах как «учения в условиях, приближенных к боевым». Так что, Карягин комплексовать не стал – построил егерей в каре, отбил персидскую кавалерию и встал укреплённым лагерем-вагенбургом. Персы атаковали их до ночи, после чего взяли тайм-аут на расчистку груд персиянских трупов и похоронные стенания. К утру, прочитав в присланном из ставки Баба-хана наставлении...

Я запнулся, чуть не сказав «мануал», как было в оригинале той интернет-истории. Фу ты чёрт...

– ...так вот, прочитав в наставлении: «Если враг укрепился и этот враг – русские, не стоит переть на него в лоб, даже если вас двадцать тысяч, а их четыреста человек», персы принялись палить по вагенбургу из пушек. Наши в ответ сделали вылазку, пробились к персидской батарее и повзрывали всё, сбросив в реку обломки пушечных лафетов с похабными надписями и картинками.

Кто-то хихикнул. Геша свирепо выпучил глаза, но промолчал.

– ...но положения это не спасло. Провоевав еще день, Карягин заподозрил, что трём сотням егерей перебить целую армию всё же не под силу. Жажда, опять же. Зной. Пули. И двадцать тысяч персов вокруг. Неуютно, знаете ли...

Снова смешок, и сразу – шиканье, адресованное весельчаку. Значит, хотят дослушать? Что ж, пойдём навстречу народу...

– На офицерском совете были предложены два варианта: или остаемся здесь и умираем, кто «за»? Никого. Или прорываем кольцо и, пока персы пытаются нас догнать, штурмуем ближайшую крепость и сидим за её стенами. Там тепло.

Хорошо. И мухи не кусают. Правда, нас уже не три сотни, а две, а персов по-прежнему десятки тысяч, и все это будет похоже на голливудский боевик...

Лёгкий гул, тут же сошедший на нет. Ну да, здесь о голливудских боевиках лишь читали разгромные статьи в газете «Советская Культура»...

– ...итак, решено было прорываться. Ночью. Перерезав персидских часовых и стараясь не дышать, участники шоу «Остаться в живых, когда остаться в живых нельзя» вышли из окружения. Потом была погоня, перестрелка, наши оторвались в лесу от махмудов и вышли к крепости. К тому моменту вокруг уцелевших – а ведь шел четвёртый день непрерывных боев, штыковых схваток и игр в прятки по ночам – уже сияла золотистая аура...

Галка Блюмина, сидящая на второй парте, ахнула и зажала губы ладошками. Я не отреагировал – Остапа понесло.

– ...поэтому Карягин велел разбить ворота крепости ядром, после чего устало спросил у гарнизона: «Ребята, посмотрите на нас. Вы, правда, хотите попробовать? Вот, правда?»

Я сделал паузу, давая слушателям переварить сказанное.

– ...ребята намек поняли и разбежались, прирезав по дороге двух своих ханов. Но это был ещё не конец. Выяснилось, что еды в крепости нет. Совсем. Нисколько. И Карягин вновь обратился к егерям.

Что-то сухо треснуло. Я скосил глаза – в руках у Геши две половинки указки.

– «...я знаю, что это даже не безумие, сказал Карягин, что для этого вообще нет человеческих слов. Нас нет и ста восьмидесяти, почти все ранены, истощены, вымотаны. Провианта нет. Боеприпасы кончаются. Зато есть обоз с ранеными, тяжеленные телеги, которые придётся тащить на себе, потому что лошади нужны для пушек. Перед воротами крепости Аббас-Мирза – слышите хрюканье его ручных уродов и хохот его наложниц? Это он ждет, когда голод сделает то, что не смогли сделать двадцать тысяч персов. Но ждёт он зря, потому что ночью мы уйдём, прорвёмся к другой крепости, которую снова возьмём штурмом, имея на плечах всю персидскую армию. А так же уродов и наложниц. Это не боевик. И не эпос. Это русская история, птенчики, и вы ее главные действующие лица...»

Я сделал паузу и обвёл взглядом одноклассников. Поймал взгляд Милады – она слабо улыбнулась. Мне.

...нравится? Не поверишь, мне тоже...

– Говорят, на небесах был когда-то ангел, отвечавший за невозможное. Так вот, ночью когда Карягин выступил из крепости, этот ангел умер от недоумения. Егеря – а они беспрерывно сражались уже две недели – выскользнули из крепости. Как ночные призраки, как нетопыри, как существа с Той, Запретной Стороны. Но пик безумия, отваги и силы духа был впереди. Продвигавшиеся сквозь тьму, морок, боль, голод и жажду егеря наткнулись на ров, через который нельзя было переправить пушки, а без них крепость было не взять. Леса, чтобы заполнить ров, рядом не было, а персы могли настигнуть их в любую минуту. Четыре солдата – одного звали Гаврила Сидоров – молча спрыгнули в ров. И легли. Как бревна. Тяжеленные пушки поехали по ним. Под хруст костей, стоны боли. На пушечный лафет брызнуло красным. Изо рва поднялись только двое, и отряд двинулся дальше...

Девчонка, сидящая в ближнем к двери ряду, громко всхлипнула и поднесла к глазам платок. Наташка Воронина, оторви да брось, заводила девичьей половины класса. Вот бы никогда не подумал...

– ...за три версты от крепости их атаковали несколько тысяч персидских всадников, сумевших пробиться к пушкам. Зря. Егеря не забыли, какой ценой им достались эти пушки. На лафеты вновь брызнуло красное, на это раз персидское – и брызгало, и лилось, и заливало лафеты, и землю вокруг до тех пор, пока персы в панике не разбежались, так и не сломив сопротивление сотни наших.

Крепость Мухрат взяли с ходу. На следующий день подошёл князь Цицианов с двумя с половиной тысячами гренадер и десятью пушками, вдребезги разбил Аббас-Мирзу и соединился с остатками отряда Карягина.

Я сделал паузу. Класс потрясённо молчит. Как и Геша. Как и затаившийся в нашем общем сером веществе Женька.

– Всё.

И – не удержался:

– Евгений Абашин доклад закончил.

Это сработало как спусковой крючок – заговорили все разом. Не вставая, не поднимая рук, не дожидаясь позволения историка.

– ...что, правда, такое было?

– ...где ты это прочёл?

– ...а почему в учебнике об этом нет?..

– ...читал, Пикуля, «Баязет»? Там тоже...

Громкий стук – Геша постукивает обломком указки по столу, призывая класс к порядку.

– Кхм-м... – он натужно откашлялся, и я заметил, что глаза у него покраснели. – Садись, Абашин. Отлично.

И, чуть помедлив:

– В следующий раз, пожалуйста, предупреждай...

Математичку Клавдию Васильевну, средних лет даму с внешностью и манерами не успевшей состариться колдуньи Бастинды, мы недолюбливали. Да и не за что было, если честно: Клавдиша – смерть всему живому и, прежде всего, самой математике. Алгебра всегда была для меня бичом божьим. Геометрия же, если и шла полегче, то лишь самую малость. Так что, этот год нам с Женькой придётся как-то пережить, и тут надежда на жалкие ошмётки моих институтских знаний. Всё ж, Бауманка – это серьёзно, особенно если родная бабуля когда-то преподавала там математику в ранге профессора. Увы, её кровь во мне точно отдохнула...

Ну да ладно – матанализ пойдёт только в девятом классе, а там должна прийти другая учительница.

На этой мысли я себя осадил. Я что, собираюсь, подобно книжным попаданцам, взрослеть, готовя себя (и альтер эго, конечно), к великой цели – но когда-нибудь потом, в далёком будущем? Ох, сомнительно, что я тут ради такого именно расклада. Уж очень всё... не то, чтобы зыбко – построено на своего рода динамическом равновесии. И наше с Женькой «соседство», подразумевающее нахождение какого-то компромисса, а вовсе не полное поглощение, а то и замещение его личности моей. И флэшбэки эти... в смысле – этот. Потому как до сих пор случился только один. Но что-то подсказывает мне, что им дело не обойдётся. Так что, не стайер я, не стайер. Моя дистанция – в лучшем случае, полторашка, да и то...

Урок тем временем шёл своим чередом. Тема была не бей лежачего: «В курсе седьмого класса вы начали изучать векторы и действия с ними. В этом году изучение будет продолжаться. Поэтому Сначала вспомним основные сведения о векторах...»

В общем, до конца урока я пребывал в медитативной дрёме. Аст (на этот раз я устроился подальше от учительского престола) поначалу толкал меня локтём, но быстро понял бессмысленность этого занятия и отстал. Я же лениво наблюдал за попытками Женьки обрести контроль над телом – безрезультатные, в общем, попытки. Так, дёрнется чуток рука, или голова повернётся в сторону нашей классной секс-бомбы Оленьки Канищевой – вот кому мода конца семидесятых на экстремальное мини пришлась особенно кстати...

А вот когда прозвенел, наконец, звонок, и мы выскочили, с облегчением в коридор – вторая перемена, аж четверть часа! – меня накрыло. Всерьёз. Потому что...

Мы, наш класс «А» был дружен – и в последние два года учёбы, и потом, после школы. Встречались, общались, перезванивались. А раз в год, девятнадцатого октября, в «день лицеистов» собирались у памятника на Пушкинской. Кое-кто переженился, потом развелись, ясное дело... Другие пропали с концами, а кто-то и сохранил школьную связь на долгие годы.

И вот – они. Все. Подумайте, каково это – видеть вокруг своих живых мертвецов, уже оплаканных и потерянных годы назад. Жёлтый лоб этого целовал на отпевании. Гроб того нёс, этому на могилу – нет, на плиту, под которой капсула с пеплом из горелого БТРа – приносил цветы. И они, живые, рядом, огрызаются если случайно толкнул в суете большой перемены... А других, о ком услышал случайно: «Ада Михайловна – помнишь твою первую учительницу? Умерла два года назад» – ты встречаешь в школьных коридорах – деловитых, грустных, весёлых, не знающих своей обречённости. Тот разбился на мотоцикле, этот попал в плен в Кандагаре, а через неделю его голову подкинули к блокпосту – без глаза, ушей и языка. Этот умер в сорок, этот в сорок три, от цирроза – спился, ясное дело... А этот жив, но не выходит из дома, перенёс четыре операции. И живы ещё Высоцкий, Окуджава и Визбор. БГ – молод, ни у кого нет ни смартфона, ни даже интернета. И друзья кричат тебе с другого конца школьной рекреации «Женька, давай сюда!» – а ты поворачиваешься и видишь кучку стариков, мертвецов и предателей в юных телах...

Да, сейчас я вполне могу сработать под девочку Алису из финальных кадров «Гости из будущего» – рассказать каждому, что его ждёт. Только вот обрадуют ли их мои откровения?

Нет уж, нахрен такое попаданство. Остаётся надеяться, что Женька не способен воспринимать мои эмоции, и главное – мою память в полном объёме. Пока не способен.

И тут – щёлкнуло. Уж не знаю, наложилась ли Женькина попытка на мой эмоциональный всплеск, или я сам интуитивно захотел спрятаться поглубже, уйти в мозговую тину – что угодно, лишь бы подальше от этой реальности, – а только из узкого тупичка возле кабинета труда на первом этаже наше общее тело вывел уже он. Я перепугался, что у альтер эго случится после такого насыщенного утра откат, и он с рёвом ужаса кинется в медкабинет. Откуда его увезут прямиком в заведение, где персонал необычайно ласков, двери в палатах лишены ручек, а рукава рубашек по странному капризу портного завязываются за спиной.

Но Женька приятно меня удивил. Нет, завис, конечно, ненадолго – благо перемена была длинная, в четверть часа. Но – собрался, выбрался из «убежища» и поплёлся на третий урок. А мне оставалось только сидеть в уголке и обдумывать случившееся.

Выходило так, что после того, первого щелчка, поменявшего нас местами, мой разум испытал нечто вроде эйфории. Отсюда и всё последующее фанфаронство – что на лестнице с завучихой, что потом, на уроке истории.

Почему? А хрен его знает. Вот, к примеру, объяснение: немолодой разум не справился с выбросом молодых гормонов, захлестнули эмоции, а в результате...

Впрочем, ничего страшного ведь не произошло? На переходный возраст можно списать многое – особенно в самом начале учебного года, после трёхмесячного перерыва. А вот дальше следует быть осторожнее. Пусть Женька сейчас обвыкнется с мыслью, что нас в его теле двое – похоже, это он уже понял. И прошёлся-таки по самым верхам моей памяти. Успокоится, уверится, что его не собираются выбрасывать на помойку, чтобы освободить место для другого разума.

И ещё. Теперь я воспринимаю его мысли и эмоции гораздо глубже, чем раньше. А он, зная о моём существовании, сможет отнестись более взвешенно и осмысленно к попыткам «вмешательства» изнутри. В том числе и попробовать от них «закрыться».

Получится ли? Проверяется опытом. Но с этим лучше пока повременить – ещё один спонтанный щелчок, да ещё посреди урока нам точно не нужен. Посижу-ка я, пожалуй, спокойно, посозерцаю, отложив любые эксперименты.

А дальше – будем посмотреть, как говорят в одном южном приморском городе.

Следующей, третьей по счёту, была физика. Как и геометрия, это был первый урок по данному предмету в новом учебном году. Женька открыл учебник (Пёрышкин, тоже, между прочим, легенда...), и там обнаружились... сплошные «тепловые явления». Причём на начальном, самом примитивном уровне – никаких тебе трёх законов термодинамики и циклов Карно.

Даже обидно – всё же по своему образованию я теплофизик...

Попробовать лёгким, наилегчайшим таким толчком помочь «реципиенту»? Нет, не стоит. Раз уж решил подождать с экспериментами – изволь исполнять. Тем более, что на первом уроке ничего серьёзного не ожидается. А я пока отдохну – все эти «щёлк-щёлк» даются, как выяснилось, довольно тяжело.

В то, что произошло дальше, с трудом поверит любой ценитель «попаданческого» жанра. Я... заснул. Нет, Женька продолжал бодрствовать – сидел на уроке (снова на одной парте с Астом), впитывал крупицы знаний, балбесничал, как водится, помаленьку. Отрубился именно я, моё сознание – видимо эмоциональная перегрузка оказалась слишком сильной, и разум словно провалился в тёмный глухой омут без флэшбэков и сновидений, оставив юное альтер эго в гордом одиночестве.

Очнулся я часа через два, причём на улице. Уроки уже закончились, и Женька вместе с Астом неторопливо шли домой, на ходу обсуждая школьные события. Серёга напирал на «доклад» о полковнике Карягине, «реципиент» благоразумно отмалчивался. Ну, ещё бы – а что он мог сказать?

После физики был ещё один урок, география, после чего случился классный час, который я, естественно, проспал. А зря, как выяснилось.

В прошлом году классной руководителем нашего седьмого «А» была Алла Давыдовна, та самая миловидная «англичанка». В этом же её место займёт учительница русского языка и литературы Галина Анатольевна – и останется нашей «классной» все три года, до самого выпуска.

Это были особенные, ни на что не похожие годы. Многочисленные поездки двух классов – нашего «А» и параллельного «Б», где классной была её сердечная подруга, тоже «литераторша». Питер-Ленинград, Михайловское, Константиново, Шахматово, Бородино, просто лес с костром и ночевками в палатках...

Пушкинская перемена 30 января – большая двадцатиминутная перемена, во время которой актовый зал был набит битком, а мы читали стихи. Уроки, на которые она приносила из дома подсвечники, зажигала свечи и запирала на ключ дверь, чтобы не зашла ненароком завуч и не поломала атмосферу. Парты отодвигались, мы усаживались в кружок, и начиналось чтение Пушкина. Начитывала в основном сама: «И поводила все плечами, все улыбалась Натали» – почти ее портрет. Потом – ранний программке появился Толстой... Темы сочинений: «Почему Андрей Болконский не женился на Наташе?», «Понял бы князь Андрей русскую пляску Наташи?», «В какой семье вы хотели бы воспитываться? У Болконских или у Ростовых?». Лет через двадцать после выпуска, на юбилейной встрече она как-то проговорила: «мы с Татьяной Иосифовной (та, вторая литераторша) раскладывали тетради и, беря каждую следующую, загадывали – этот у Ростовых, этот у Болконских. Почти ни разу не

ошиблись». А я помню, как Галина Анатольевна, придя в класс, сказала: «Я поняла, почему так часто плачу от вас – почти все хотят жить в семье Болконских».

...я тогда, помнится, выбрал Ростовых. Ну, симпатичен мне открытый, прямолинейный, как кавалерийская пика, гусар Николенька...

Вот такая учительница. А я самым вульгарным образом проспал её первый классный час!

Видимо, Женька сумел уловить моё смятение, потому что по-быстрому закруглил разговор, попрощался с Серёгой и заторопился домой. На прощание они договорились насчёт завтрашней тренировки, и тут я снова слегка напрягся. Недаром, ох недаром Васич сулил ещё вернуться к разговору о вчерашней моей фехтовальной эскападе...

Вторник

5 сентября, 1978 г.

Ул. Онежская

Дело к ночи

Рефлексия – это «наше всё» для истинного попаданца. Именно она, а отнюдь не стремление:

...затащить в постель свою первую любовь и вообще всех попавшихся по дороге красоток;

...отмудохать школьных уродов, которые нещадно его чморили и вообще, ставили в неприличные позы;

...перепеть\переписать все бестселлеры девяностых и нулевых под своим именем;

...поднять тучу бабла на фарце, кладах, подпольных тотализаторах, выигрышных номерах «Спортлото» и прочих тёмных и не очень схемах;

...сдать компетентным органам всех сколько-нибудь известных предателей, перебежчиков, маньяков;

...et cetera, et cetera, et cetera[З - (лат.) - «и тому подобное», «и так далее».] – далее по всем известному «обязательному списку» попаданца в позднесоветское прошлое.

Итак, рефлексия. Почему? Тут всё элементарно. Вы думали, что самым сложным будет справиться с валом новых впечатлений, а так избежать оговорок, анахронизмов и прочих «проколов», способных засветить попаданца перед органами и прочими заинтересованными и не очень лицами? Да ничего подобного. Потому что самое сложное – совсем другое.

Авторы, как и потребители «попаданских» романов редко дают себе труд задуматься: а куда девается тот «я», который был «мной» в детстве, если я его заменил? Исчезает без следа? Растворяется в ноосфере? Живёт вместе со мной?

Представьте, что вы – ребёнок, в сознание которого начинает ломиться больной, выгоревший, проживший лучшие годы старик, стараясь сожрать его, вытеснить, не признавая за ним права на существование, как таковое.

А с другой стороны: представьте, что вы взрослый, разумный человек, на которого обрушивается эмоциональная нестабильность подростка – вместе со всеми моментами детства, которые давным-давно превратились для вас в остаточное сияние выгоревших звёзд. Ребёнок, которому вдруг стало со всей очевидностью ясно, что всё, что на земле дышит и живёт, рано или поздно ложится под разящую косу времени – и вот оно, непреложное тому доказательство.

Представили? Ау, санитары...

И тут-то на помощь приходит она – рефлексия. Способ разложить по полочкам собственные эмоции, побуждения, намерения. Мало того – единственный, как выяснилось, разумный способ примирить с собой подростка, с которым вы делите тело. Не дать свихнуться обоим. И – мягко, шаг за шагом, на кошачьих лапках, обходя по мере сил острые углы и стараясь не делать резких движений, которые всё равно неизбежны...

Короче, я оставил Женьку в покое. Нет, больше не засыпал – вместо этого сумел вогнуть себя в медитативный транс, сквозь который и воспринимал окружающую действительность. И пока он поглощал ужин (мама вернулась рано, сказала, что отпросилась с работы, благо, ВНИИТЦ, где она числилась старшим научным сотрудником, неподалёку, на Флотской), пока рассказывал о новой классной, пока хвастался пятёркой по истории (ни слова о «совместном» докладе, мошенник эдакий!), пока делал вид, что готовит уроки (уселся за стол, пристроил перед собой учебник, а сам выдвинул ящик с розовым томиком Вальтера Скотта...) – так вот, пока «реципиент» занимался обычными своими делами, я раскладывал по полочкам, нумеровал, выстраивал намерения, мысли, воспоминания. Делал всё, чтобы после нового «щелчка» он получил стройную картину, материал для размышлений, почву для шага вперёд в налаживании контакта. И сам не заметил, как сполз в глухое забытие.

На этот раз обошлось без наводящих оторопь новостных репортажей с ядерными ударами и огнеметными танками. Монитор, правда, имелся – он висел на противоположной стене, чёрный, кажется даже покрытый пылью. Стол, пластиковая бутылочка газированного «Святого источника» (эта деталь почему-то отчётливо бросилась в глаза – всё остальное было слегка размыто, не в фокусе, и лишь бутылка имела нормальный вид), россыпь разноцветных файлов, несколько ручек. Одним словом, офисная рутина.

А вот сидящий напротив человек в это понятие никак не вписывался. Казалось, он только что выбрался из бункера – а может, это место тоже располагалось глубоко под землёй? Нестарое ещё, лет пятидесяти с небольшим, лицо уродуют мешки под глазами и какая-то неистребимая серость – словно кожа месяцами не видела солнца, а воздух его оведал исключительно кондиционированный, мёртвый. Генеральский мундир, хоть и сидит аккуратно, но носит следы застарелой несвежести. Китель нараспашку, узел галстука слегка распушен, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Так и видишь, как владелец не которую по счёту ночь засыпает прямо в рабочем кабинете, не снимая брюк, повесив

китель и рубашку с галстуком на спинку стоящего возле кожаного дивана стула.

И за всем этим – серым лицом, несвежим кителем, отёчными веками – прячется невероятная усталость, тоска, обречённость.

Бункер – он бункер и есть.

– Вас выбрали за некий присущий вам взгляд на окружающий мир. – заговорил генерал. Голос у него был хриплый, свистящий, одышливый – человек явно злоупотреблял сидячим образом жизни. – А так же, и далеко не в последнюю очередь, за родственников и близких, причём не вас нынешнего, шестидесятилетнего, со всем вашим жизненным багажом, а того, подростка...

– То есть, и в прошлое теперь отправляют по блату?

Второй голос – мой. Обычно человеку непросто узнать себя на звукозаписи, если, конечно, он не блогер, артист или телеведущий. Но тут сомнений почему-то нет. Причём голос этот явно принадлежит мне шестидесятилетнему, как и сказал только что незнакомый генерал. Голос деланно-ироничный, слегка небрежный – ясно, чтобы скрыть неуверенность, а пожалуй, и испуг. Обычное дело.

– Не совсем по блату. Точнее – совсем не по блату. Впрочем, можете считать и так, для дела это значения не имеет. Вы были отобраны по многим критериям, и родственные связи – лишь один из них. Главное, что вам следует запомнить: без сотрудничества со своим юным альтер эго, вы не добьётесь ничего. Ясно? Ни-че-го. Либо выгорите, рассосётесь в подростковом сознании, оставив после себя заведомого неврастеника, а то и законченного инвалида по психиатрии. Либо наоборот, поглотите, подавите его, и тогда придётся заново прожить жизнь, совершенно точно зная, какая беда ожидает и вас и всех на этом шарике – и понимать, что единственный шанс отвести её безвозвратно упущен. Вами. И долго вы так протянете, прежде чем потянетесь к бритве, пачке снотворного или открытому окну?

Генерал умолк, наклонился вперёд – при этом кончик галстука зацепил одну из авторучек, и та покатила по столешнице – протянул руку к бутылке и...

Женька сидел на диване – встрепанный, перепуганный. За окном глухая беззвёздная ночь, будильник на столе показывает четверть третьего. Что до меня – то я пришёл в себя, как и в прошлый раз, одновременно с ним, и теперь лихорадочно пытаюсь осмыслить этот, второй по счёту, флэшбэк. Чем он отличается от предыдущего? А вот чем: в нём я увидел (ну хорошо, услышал) себя самого. А ещё – из него можно почерпнуть информацию, касающуюся меня лично. Точнее – нас. Обоих. А ещё точнее – того, зачем с нами происходит... то, что происходит. Потому что, кого, как не Женьку имел в виду генерал, рассуждая о том, что мне – нам – предстоит сделать?

А, собственно, что именно нам предстоит? Ни слова о природе опасности, грозящей «шарику», как и природе «особого взгляда» на действительность, якобы мне присущий, и тех «родных и близких», из-за которых меня выбрали, он не сказал. Может, потом? В очередном флэшбэке? Похоже, им положено случаться именно во сне. Конечно, двух случаев маловато для уверенной статистики, но ведь будут и другие, будут! А значит – подтверждается ещё одно заключение: я не стайер. Генерал и те, кто за ним стоят (а стоят ведь, к гадалке не ходи!) похоже, ждут от меня вполне конкретных действий. И откладывать их «на потом» никак нельзя категорически.

И при всём при том – отчётливое, засевшее, как гвоздь в сапоге и оттого столь же раздражающее чувство, что я совершенно точно знаю, о чём идёт речь.

Вот и понимай, как хочешь...

– ...и как же всё это понимать?

Женька уже немного пришёл в себя. Паники, как прошлой ночью нет – наоборот, есть ясное осознание реальности происходящего. Похоже, мои усилия не пропали даром.

А понимать это надо так, что мы имеем бонус. Причём – чертовски важный бонус. Уж не знаю, где тут курица, а где яйцо, был ли флэшбэк следствием налаживания контакта общения, или, наоборот, стал толчком к нему – но факт есть факт. Теперь у нас получается не просто обмениваться «подталкиваниями», ощущениями, намёками, но и общаться напрямую.

А может, сам флэшбэк – следствие того, что я дал «реципиенту» доступ к моей памяти? А что, вполне себе версия: он просматривает её и как бы собирает заново – то есть, делает то, до чего у меня самого никак не дойдут руки. Текучка заедает, хе-хе...

В общем, мы сумели поговорить. Недолго и не слишком вразумительно, но ведь лиха беда начало? Разговор этот вымотал обоих почище самого флэшбэка, но Женькину фразу, произнесённую перед тем, как мы оба провалились в сон, я расслышал хорошо:

«Пожалуйста, только не надо больше так делать – силой выкидывать меня из меня...»

Среда

6 сентября, 1978 г.

Ул. Онежская

Новое утро

Удивительно, но трудности диалога двух наших личностей рассеялись вместе со звонком будильника. Потому что уже в ванной, за обязательным утренним туалетом мы с альтер эго попробовали поболтать – и выяснили, что не испытываем при этом особых трудностей. Больше всего диалог походил на телефонный разговор. Или, скажем, на беседу людей, совместно занятых достаточно сложным делом.

Хороший пример: раллийный экипаж на каком-нибудь «Даккаре». Есть пилот и есть штурман. В каждый конкретный момент нагрузка на них сильно различается, но ведущим в этой паре всё равно пилот. Что не мешает им беседовать по ходу гонки, в том числе – и на тему управления общим «транспортным средством». Когда же нагрузка на одного из них резко возрастает – скажем, особенно сложный поворот, или штурман должен быстро выбрать новый вариант маршрута – то он может и выпасть на время из беседы.

Или ограничится тем, что будет слушать рассуждения напарника.

И вот что у нас получилось:

Я: «Ладно, договорились, я пока не лезу. Но если понадобится помощь – имей в виду, я всегда готов, как юный пионер. Ты только пропусти, а дальше уж я сам...

Женька (хихикая): Это как в анекдоте про вьетнамского лётчика?

– В каком это анекдоте? – машинально спрашиваю я, и вспоминаю. Сам, прошу заметить, без подсказки!

Да вы наверняка слышали:

Поставили это наши во Вьетнам новейшие МиГи. Ну, инструктируют летчика-истребителя по имени... скажем Сунь Хунь Чай:

„Управление простое. Если плохо будет, жми первую кнопку. Если хуже – вторую. Если совсем кранты – вот эту, красную“.

Ну, сел Сунь Хунь Чай и полетел. Навстречу – „Фантом“. „Ой, плёхо“, – думает Сунь. Нажал первую кнопку. Пых! – „Фантома“ как не бывало. Порадовался, летит дальше. Навстречу – звено „Фантомов“. „О, хузе“, – понимает Сунь. Нажал вторую кнопку, те и попадали. Полёт продолжается. Навстречу – уже целая эскадрилья „Фантомов“. „Ну, всё...“, – думает Сунь Хунь Чай, и нажимает красную.

Сзади кто-то хлопает его по плечу: „А ну-ка, косоглазенький, подвинься, сейчас мы их...“»

Сам, прошу заметить, вспомнил, без подсказки. Или это опять штучки общей памяти?

Завтрак. «Овсянка, сэр!» – проинструктированный мною Женька приводит маму в восторг анекдотом про британского лорда и наводнение на Темзе. А дальше: «Вы слушали Пионерскую зорьку», «реципиент» (вполне на этот раз выпавшийся) хватается собранную с вечера сумку и выбегает из дома.

Маршрут выбирается в обход – дольше минут на пять, зато меньше вероятность встретить одноклассников. Нет, мы никого не боимся, просто тогда придётся здороваться и дальше идти вместе. А нам сейчас есть с кем поговорить.

«Я: Слушай, третьим уроком русский. Пусты порулить, а? Очень хочется с Галиш... с Галиной Анатольевной хоть после урока поговорить.

Женька: Успеется. Договорились же – ваша сегодня будет тренировка.

Я: Да брось ты „выкаты“. В конце концов, я – это ты.

Женька: Хорошо. Тренировка ваш... твоя. А в школе я буду главный. В конце концов, это мне надо учиться, а ты и так всё знаешь. Ну и дров вчера достаточно наломал, ребята неделю ещё будут вспоминать...»

Тут он прав, причём по обоим пунктам. Особенно насчёт дров – их было наломано от души, и с завучихой, и на уроке истории... Жалкие мальчишеские выходки, не достойные шестидесятилетнего мужика. А перед Гешей-то как стыдно, и не передать... впрочем, он, конечно, ничего не понял и воспринял происходящее именно так, как я и рассчитывал: как попытку самоутверждения очередной жертвы переходного возраста.

Кстати – что-то незаметно, чтобы сопливое альтер эго слишком уж горевало по этому поводу. Ну да, помню, какими глазами смотрела тогда Милада...

Вот и ограда школьного палисадника. Сегодня на «тропе Хо Ши Мина» дежурят два хмурых десятиклассника – разворачивают особо торопливых к воротам. Вон, уже и по уху кому-то заехали – не слишком сильно, для порядка. И правильно, нефиг беспорядок нарушать и дисциплину безобразничать! Крюк-то невелик, всего каких-нибудь метров пятьдесят. Крыльцо, распахнутая дверь, ещё один блокпост – «А сменка где?» Да вот она, вот – полиэтиленовый пакет с кедами засунут в сумку поверх учебников. Не в тряпичном же мешочке её носить – за шнурок, как пятиклашка?

Первый звонок, бегом наверх, на второй этаж. Родной семнадцатый кабинет, прямо напротив учительской...

Учебный день начался.

Среда

6 сентября, 1978 г.

Ул. Фестивальная, школа № 159

Ещё один день

На этот раз я не опоздал. Сел, снова рядом с Миладой – она рассеянно улыбнулась и пододвинула в сторону тетрадку, давая мне место – выложил из сумки всё положенное и...

– Здравствуйте, ребята!

Дверь открылась и в класс вошла большая красивая женщина в шали, с расписной брошью на шелковом платье. У меня потемнело в глазах. Именно у меня – Женьке-то пофиг, он моего пиетета перед новой классной руководительницей не разделяет, и это неудивительно – до сих пор наш класс встречался с ней от раза к разу, в основном, по случаю замены заболевших учителей.

Как же обидно, что сейчас не литература, а русский! Да и литература, если честно... что там в первой четверти – «Слово о полку Игореве», Радищев, Фонвизин? Зато дальше Жуковский с Рылеевым, а там и до Грибоедова недалеко.

Что-что? Точно, ведь это именно в восьмом классе и было! Урок начинается с поразительного заявления – на осенние каникулы наш класс вместе с параллельным восьмым «Б» отправляется на экскурсию в Пятигорск. Народ зашумел, запереговаривался, Галине Анатольевне пришлось постучать по столу карандашом и нахмуриться. Впрочем, строгость эта напускная – её явно обрадовала наша реакция. А уж как я рад...

Остаток урока пролетел для меня незаметно. Женька старательно карябал в тетрадке ручкой (шариковой, хоть на этом спасибо – гонения на сей девайс остались в прошлом, как и перьевые ручки, которые приходилось заправлять фиолетовыми чернилами из стеклянного пузырька). Сложносочинённые предложения, сложноподчинённые... я мысленно уже был у подножия Бештау, откуда рано утром можно разглядеть поверх облачной гряды зубчатый контур Большого Кавказского хребта, подсвеченный восходящим солнцем...

Из медитативной мечтательности я вынырнул только на перемене – вернее, меня вышвырнул из неё резкий, болезненный всплеск Женькиных эмоций.

– ...да ты просто советский мышонок! – с удовольствием повторил Ян. Он гордился собой – на тонких губах природного шляхтича играет презрительная улыбка. Ему отвечают злорадным хихиканьем, благо, есть кому. Эта троица – нельзя сказать, что наши с Женькой враги, но уж точно не друзья, и отношения между нами всегда были натянутые. В лучшем случае. Прямых стычек не случилось довольно давно (хотя было когда-то и такое), а вот возможности уязвить, а то и болезненно кольнуть Женькино самолюбие, они не упускают. Надо же, а я вчера об этом и не вспомнил, спасибо эйфории...

Забавно, но именно этот случай я отличнейше помню. Своей памятью, без Женьки. Тогда я не нашёлся, что ответить, и это было особенно обидно – «Золотого телёнка» я прочёл на летние каникулы. Радзевич, видимо, тоже – и счёл, что достаточно приобщился к остроумию авторов.

Что стало поводом для обидного наезда, я, конечно, забыл. И сейчас прослушал, поскольку витал в облаках, предвкушая поездку в Пятигорск. А вот Женька не прослушал – набычился, налился краской. Я этого, ясное дело, видеть не могу, но чувствую, как горят у альтер эго уши и щёки.

А вот с ответом у него не всё гладко. Нет достойного ответа. Ян уже почуял слабинку и разливается соловьём – с этой своей высокомерной усмешечкой...

Ну вот, опять – «советский мышонок...». Понравилось.

А ведь это надо пресекать, причём срочно. Спустишь, стерпишь такие вот смехуёчки – будет и дальше чморить по мелочам. А там и другие подтянутся, были желающие, помню... Моргнуть не успеешь, и ты уже в роли забитого

неудачника. Девчонки уже хихикают, косясь на вчерашнего возмутителя спокойствия.

Вот уж точно – «Sic transit gloria mundi...»[4 - (лат.) – так проходит мирская слава.]

Милка рядом – отвернулась, но боковым зрением я замечаю, как заалели её щёки.

Ей что, стыдно за Женьку... за меня?

«Реципиент» тормозит, никак не может решить, что делать. Эмоции прут из него фонтаном, для внепланового «щёлк-щёлк» даже особых усилий прилагать не придётся.

Но – договор есть договор. Разрушить доверие – раз плюнуть, а что я потом делать буду? Сказано же умными людьми: «без сотрудничества со своим юным альтер эго, вы не добьётесь ничего...»

А потому – как там, в анекдоте? «А ну-ка, косоглазенький, подвинься...»

Женька, сообразив, послушно уплывает в глубину. Я мысленно встряхиваюсь, «щёлк-щёлк»... и, неожиданно для наших визави, присоединяюсь к их смешкам. Такой реакции от меня не ждали, веселье стихает само собой.

Складываю руки на груди и смотрю Радзевичу прямо в глаза. Мне весело.

«...знал бы ты, парень, с кем связался...»

– Советский мышонок, говоришь? Ильфа и Петрова, стало быть, осилил? Что ж, лучше поздно, чем никогда.

Ян осёкся.

– Да я...

– Головка от буга. – пауза, неуверенные смешки вокруг. – Раз осилил, то должен был запомнить, кого Остап называл советским мышонок. Или ты только картинки смотрел?

Теперь набычился уже Радзевич. Что, действительно не помнит?

– Ну, там, какого-то, я точно не...

...вот это правильно, оправдывайся...

– Не какого-то, а самого гражданина Корейко. Которому Остап, как комбинатор, в подметки не годится. Вот и выходит, что вы, Шура, сделали мне комплимент.

– Я не Шура! – пытается спорить Ян, уже по инерции.

– Да ты что? Прости, перепутал – в плане интеллекта вы с Балагановым, считай, близнецы... лейтенанта Шмидта.

На этот раз засмеялись все. «Золотого телёнка» читали многие, да и фильм с Юрским вышел давно, лет десять назад.

– И ещё...

Перехожу на театрально-зловещий шёпот.

– Говоришь, «советский мышонок»?..

Он машинально кивает.

– А ты сам, значит, мышонок антисоветский? Нет, ты скажи, кому надо – запомнят...

Потрясённое молчание. Зрители, сам Ян, даже подоспевший Аст попросту не знают, как реагировать.

Выдерживаю паузу по Станиславскому, потом весело смеюсь и хлопаю «пациента» по плечу.

– Ладно, Яша, не парься... – а вот теперь резко сменить тональность, пусть слегка обалдеют. – Спиз... прокозлил, прогнал фуфло, бывает. Но учти: базар в приличном обществе принято фильтровать. Так ведь можно и ответить...

Молчание было мне ответом. Молчание – и непонимающие, а кое-где и тревожные взгляды. Сам же Ян, обычно высокомерный и элегантный, как и положено истинному пшеку, будто съёжился, стал меньше ростом. Даже сделал вид, что не заметил уничижительного «Яша» – если память мне не изменяет помню, никто и никогда его так не называл... Ну да, конечно: «Фильтруй базар», «ответить», «фуфло» – это не наш сленг. Уже после выпуска, я узнал, что в известных кругах наш квартал называли «Московским Тель-Авивом». Дома здесь – сплошь кооперативные, от московских НИИ и культурных учреждений, вроде того же «дома Циркачей», а дети из населявших их семей были страшно далеки от воровской романтики заводских окраин. А уже фамилии в классе – Нейман, Клейман, Брухис, Хасин, Либман, Якимов, Тумаркин, Гинзбург...

Самое любопытное, что в моём школьном детстве «еврейский вопрос» отсутствовал как явление, и даже неизбежные анекдоты на эту тему мы рассказывали «без привязки к окружающей действительности». Даже когда Маринка Нейман сменила фамилию на «Соколова», даже после Миладкиного отлёта в Вену, откуда путь лежал напрямик в аэропорт Бен-Гурион, ничего у меня не ворохнулось. И потом, сталкиваясь с любыми, даже вполне невинными проявлениями антисемитизма – будь то чьи-то ядовитые высказывания, или дежурные рассуждения о «лимите» на евреев в ВУЗах и «ящиках» – я всегда испытывал неловкость за собеседников.

Да, потом ситуация в школе наверняка изменилась. Не могла не измениться. Но я этого уже не застал – и ничуть о том не жалею.

А пока – я нырнул в спасительные глубины нашего общего мозга, уступая «руль» своему альтер эго. Если бы сознание могло сгореть от стыда – уверен, от меня сейчас осталась бы жалкая горстка пепла.

...не наигрался в альфа-доминанта за прошедшие годы, не навыпендривался? Или опять спишем на подростковые гормоны? Так ведь и в привычку может

войти.

А может, не стоит к себе так строго? Всё же, некое оправдание у меня имеется. В школьной среде поставить себя – дорогого стоит. Подростки неразборчивы, для них порой кто эпатажнее, наглее, бесцеремоннее – тот и альфа. А ведь я – мы с Женькой – не можем похвастаться особым авторитетом у одноклассников. Случалось и сносить обидные насмешки, и уклоняться от конфликтов по причине неуверенности в себе, и занятия фехтованием не очень-то мне в этом помогали. Это уже потом, в армии, я осознал, как важно вовремя поставить себя, отвечать ударом на удар, на любой наезд или глумление...

Так что, ничего, сойдёт. Спасибо, хоть без мордобоя пока обошлось. Пока. А над интеллектуальной и хе-хе, морально-нравственной составляющей авторитета мы ещё поработаем. Да и в плане мордобо... э-э-э... иных мер. Мало ли как оно дальше обернётся?

Среда

6 сентября, 1978 г.

Дворец спорта «Динамо»

День в разгаре

Альтер эго пунктуально соблюдал договор: перед тренировкой отлучился в уборную и там – «щёлк-щёлк». Так что в фехтовальный зал нашу общую оболочку доставил уже я. Вместе с криво застёгнутой (торопился же!) защитной курткой и зажатой под мышкой маской – сабли ждали в длинной стойке у стены зала.

Как выяснилось, мышечная память наследуется вместе с сознанием, и я, упражняясь возле манекена или в паре с кем-то из ребят, нет-нет, да и включал своё, истфехтовское. Последние лет семь я тренировался очень редко – старые болячки и травмы припечатали меня, поставив на грань инвалидности. И теперь юное Женькино тело под моим чутким руководством с удовольствием

«вспоминало» незнакомые стойки и движения.

Васич, конечно, не мог этого не заметить. То и дело я ловил на себе его взгляды – сперва недоумённые, а потом и задумчивые. Но ко мне ре не подошёл ни разу за всю тренировку, хотя остальных из группы вниманием не обделял.

Звоночек. И, надо сказать, тревожный. Вон, как Женька напрягся...

Полтора часа пролетели, как пять минут – я откровенно наслаждался быстротой и гибкостью молодого тела, лёгкостью, с которой удаются самые замысловатые связки, давно забытой скоростью реакции. К сожалению, бои пришлось просидеть на скамейке – а я-то ожидал, что тренер поставит меня с кем-то в пару. Просто чтобы посмотреть, что я выкину на этот раз.

Финальный свисток, построение, салют клинками, «в раздевалку марш!»

Я даже растерялся – а как же обещанный «разбор полётов»? Так ждал, готовился...

Нет, всё в порядке: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться». Аст, выходя из зала, посмотрел на меня с тревогой во взгляде. Я сделал успокаивающий жест: «фигня-война, обойдётся». К гадалке не ходи, будет дожидаться меня в раздевалке. А если выгонят (беседа с тренером может и затянуться) – то в холле, на первом этаже. Но уйти – не уйдёт нипочём. Не тот характер.

Он кивнул мне на скамейку, сам присел рядом. Я молчал и наблюдал, как он нервно тискает смятые перчатки – белые, фехтовальные, не то, что наши мотоциклетные с кирзовыми раструбами, чёрные, как душа серийного убийцы.

– Вот что, Абашин... – Васич, наконец, решился. – Ты уж прости, но из секции я тебя отчисляю. Нет-нет, дело не в нарушении – просто тебя надо переучивать, а это долго. И, учитывая возраст – бессмысленно.

Я не отреагировал. Зато где-то в районе левого виска взвыл в отчаянии Женька. Ну, ещё бы, для него фехтование – предмет гордости. Хотя, если честно, гордиться особо нечем.

Васич помолчал несколько секунд – видимо, ожидал бурных протестов и готовился объяснять неразумному вьюношу, что перспектив в данном виде спорта у него нет, и лучше, не теряя времени, заняться чем-то другим. Например, ОФП. Или греблей – в расположенном неподалёку центре водных видов спорта как раз набирают новые группы.

Не дождался – я старательно выдерживал паузу.

– Где нахватался всего этого – скажешь?

Я пожимаю плечами. Это Асту можно втирать насчёт пересмотренных летом французских фильмов с Жаном Марэ, а опытного тренера на мякине не проведёшь.

– Ну, не хочешь – дело твоё. Вообще-то, задатки у тебя есть, только... – продолжил Васич, и я уловил в его голосе виноватые нотки.

...клюёт, клюёт...

– Давай-ка, мы с тобой поступим так. Мой знакомый по физкультурному институту сейчас преподаёт сцендвижение в ГИТИСе. Есть у него и курс сценического фехтования, особый, продвинутый. Занимаются они здесь, только график тренировок плавающий, раз на раз не приходится. На этой неделе, к примеру, в субботу, в шестнадцать ноль-ноль. Сможешь? Я ему позвоню, предупрежу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Песня на стихи Леонида Филатова. Написана в 1979-м г.

2

Фильм 1976-го года, производства Германия-Италия-Югославия.

3

(лат.) – «и тому подобное», «и так далее».

4

(лат.) – так проходит мирская слава.

Купить: https://tellnovel.com/ru/batyrshin_boris/komons

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)